



АБСОЛЮТНОЕ  
ОРУЖИЕ

# МАКСИМ ХОРСУН



## СОЛДАТЫ ДАЛЕКОЙ ИМПЕРИИ

Солдаты далекой Империи

Максим Хорсун

**Солдаты Далёкой Империи**

«Автор»

2010

## **Хорсун М. Д.**

Солдаты Далекой Империи / М. Д. Хорсун — «Автор»,  
2010 — (Солдаты далекой Империи)

«Когда-нибудь первые межпланетные корабли людей приземлятся на Марсе; хорошо, если к тому времени кто-то из нас будет жив и здоров рассудком, – напишет после всего случившегося доктор Рудин, судовой врач с «Кречета». – Тогда эта рукопись послужит документальным подтверждением словам выживших. А если нет, то посланцы Земли будут предупреждены... Их не сможет не заинтриговать царский броненосец, бог весть как оказавшийся в сухом русле марсианской реки, посреди бескрайней ржавой пустоши. Они узнают, что в мировом пространстве людям грозят множество опасностей...»  
Но это потом. А нынче... «Кречет» возвращался с учебных стрельб в Кронштадт, когда неурочный звон судового колокола поднял команду по тревоге...

© Хорсун М. Д., 2010

© Автор, 2010

## Содержание

Длинная цитата вместо пролога	6
Часть первая	7
1	7
2	9
3	16
4	21
5	25
6	31
7	35
8	39
9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

# Максим Хорсун

## Солдаты Далекой Империи

*– Вот когда бы нам повоювать, ваше императорское величество!*  
*Адмирал Зиновий Рожественский, 1902 год*

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

## Длинная цитата вместо пролога

«Чем лучше удавалось разглядеть планету, тем явственнее выступала эта замечательная сеть. Точно вуаль покрывает всю поверхность Марса... По-видимому, ни одна часть планеты не свободна от этой сети. Линии обрываются, упираясь в полярные пятна. Они имеют форму в такой мере геометрически правильную, что внушают мысль об искусственном происхождении их...

Для всех, обладающих космически широким кругозором, не может не быть глубоко поучительным созерцание жизни вне нашего мира и сознание, что обитаемость Марса можно считать доказанной.»

*Персиваль Лоуэлл «Марс и его каналы», 1900 год*

## Часть первая На коленях

### 1

Мне много раз доводилось беседовать со своими друзьями по несчастью о том, с какими странностями они сталкивались во время последнего похода «Кречета». Однако никто не мог припомнить ничего удивительного. Мы воз вращались с артиллерийских стрельб, отгремевших в Финском заливе, мы благополучно пережили и маневры, и предшествующий им высочайший императорский смотр. Жизнь на броненосце текла так, как должна была протекать на любом другом военном корабле, ходящем под Андреевским флагом.

Лишь в *ту* ночь (а мы нынче так и говорим: *та* ночь) густой туман скрыл от нас огни маяков Либавы, вынудил капитана И.К. Германа отдать приказ перевести машины на тихий ход, чтобы продолжить движение на черепашьей скорости.

«Кречет» медленно, словно крадучись, подбирался к порту. Его сиренный гудок то и дело оглашал окрестности протяжным «у-у-у-у», и в этом низком звуке отчетливо слышалась тоска огромного стального зверя, путешествующего в одиночестве по северным морям. А потом все заглушил звон колокола...

Как сейчас помню: половина двенадцатого ночи, в каюте на столе – ворох исписанных листов (по возвращении «Кречета» в Кронштадт я намеревался вырваться в Петербург, посетить некоторых издателей и попытаться пристроить подборку новых морских рассказов). Под листами были погребены мои неизменные спутники и помощники: «Патология» – пособие для преподавателей медицинских университетов и «Очерки о гнойной хирургии» Пирогова... Нет-нет, я не черпал в этих трудах вдохновение, просто я позволял себе быть литератором лишь тогда, когда опускалась ночь и двери каюты закрывались на замок. А «в миру» – я доктор. Судовой врач, хирург.

И в *ту* ночь я намеревался завершить третью вычитку материала для предполагаемого сборника.

Работа, как всегда, затягивалась. Пепельница стала походить на скифский курган, над столом повисло неподвижное облако табачного дыма, и в какой-то момент даже мне, заядлому курильщику с восемнадцати лет, все опротивело. Я открыл дверь и вышел в освещенный электрическими лампочками коридор.

Раздается звон колокола...

В курляндской Либаве есть и православные храмы, и кирхи, и синагоги, и костелы. Но до Либавы еще далеко, а в колокол бьют... бьют прямо над кораблем.

Откуда-то сверху лился густой, чистый звук, который заставлял трепетать в резонанс стальные переборки и палубы могучего «Кречета». Я услышал, как внутри броненосца рождается гул, хорошо знакомый каждому, кому приходилось оказываться внутри утренней суеты, когда дудки боцманов поднимают на ноги одновременно девятьсот человек. Команда проснулась! Что же, в конце концов, происходит? Не на небесах же звонит колокол? Решительно ничего не понимаю!

Пришпоренный любопытством, я бросился к выходу. И через миг «Кречет» содрогнулся от удара чудовищной силы. Палуба накренилась, ноги заскользили по полу, поэтому наружу я скорее вылетел, словно снаряд из артиллерийского орудия, нежели выбежал на своих двоих.

«Бом! Бом!» – не унимался невидимый звонарь.

Царица небесная! Я вцепился в леерную стойку. В ушах у меня затрещало, словно от перепада давления, как это бывает на горных перевалах, а в глазах помрачилось. В те страшные секунды я не без основания уверил себя, что «Кречет» погиб. Я не знал, что именно произошло: подорвался ли корабль на mine или распорол двойное дно о какие-то особенно коварные рифы. Броненосец тонет, и это было очевидно – слишком уж значительным казался дифференциал на нос.

В лицо мне ударил ветер: ледяной, отнюдь не сентябрьский. С собой он нес... нет, не соленые брызги, как можно было бы предположить, исходя из ситуации, а колкие частички песка. Я оторвал взгляд от рук, сжимающих до боли в суставах леер, и посмотрел на море.

Моря не было! Я изумленно мотнул головой, не зная, что и подумать: происходит ли это наяву? Не сошел ли я с ума от полуночных писательских бдений? Походило на то, что весь Мировой океан обмелел и высох в одно мгновение! Исчезла колышущаяся зыбь ночного моря, вместо него глаза мои лицезрели голое скалистое возвышение. Исчез туман, теперь его заменяли тучи пыли, гонимые порывистым ветром. Я задрал голову, силясь разглядеть, откуда же исходит колокольный звон, однако над собой увидел лишь низкое темное небо, в котором господствовала песчаная буря.

Но вот по плотным тучам скользнуло яркое пятно, будто кто-то направил вверх луч прожектора. Далее световая волна прокатилась по возвышению, затмевая топовые, отличительные и гакабортные огни «Кречета». Было не понять, боевые ли это фонари неведомых кораблей или же какое-то редкое явление природы.

А по палубам уже барабанили каблуки. Вахтенные вышли из оцепенения и принялись бить тревогу. Матросы спешили занять боевые посты, но офицеры пребывали в растерянности:

– Экипаж – к бою! Расчеты – к орудиям! – кричали одни.

– Покинуть корабль! Средства спасения – на воду! – вопили другие.

Если в это время кто-то и напал на «Кречет», то добить поверженного Левиафана им бы не составило труда.

Я почувствовал, что на мои кулаки капает теплая влага. Проклятье! Пошла носом кровь! Этого еще не хватало!

Врач не имеет права ощущать слабость и дурноту. Тем более в обстоятельствах, когда команде с минуты на минуту может потребоваться его помощь. Я же стоял, шатаясь, словно пьяный матрос, и не решался даже одной рукой отпустить леер, чтобы достать из кармана носовой платок. Если разожму кулаки, то в тот же миг упаду, это как пить дать. И дело было вовсе не в наклоне палубы. Я задыхался... по крайней мере, мне так казалось. Одновременно я находился в плену необъяснимой, небывалой легкости и еще... еще жутко кружилась голова.

– Покориться! – раздался громоподобный вибрирующий голос.

По палубам загромыхало что-то тяжелое. Кто-то отчаянно выругался, кто-то испуганно заверещал. Я беспомощно вертел головой, пытаюсь рас смотреть, что же все-таки происходит, но ветер, как назло, швырнул мне в глаза пригоршню песка.

– Покориться! – вновь прозвучал нелепый приказ.

– Бей их, братцы!!! – послышался призыв с центрального мостика.

Загрохотали редкие выстрелы. Стреляли, конечно же, не пушки. В ход пошло личное офицерское оружие; среди снастей засвистели рикошеты. Не отпуская леера, я двинулся туда, откуда доносились голоса моряков. Но сделать смог лишь три или четыре шага...

## 2

Никогда в жизни мне не приходилось терять сознания. Ни в душных прозекторских, когда под циничные комментарии преподавателей я препарировал несвежие трупы, ни в госпитальных операционных, где, одурманенные хлороформом, несчастные, обезумев от боли, молили меня и проклинали одновременно. Я всегда исполнял долг четко и последовательно, будто заводская машина. Даже когда волей злой судьбы самого забросило на стол, а коллеги склонились над моей раной, и тогда сознание работало как часовой механизм! Я до сих пор хорошо помню каждое движение ланцета, каждую манипуляцию хирурга внутри моей брюшной полости.

Сейчас же я пришел в себя и почувствовал горький стыд. Мои губы были склеены спекшейся кровью, словно конверт сургучной печатью. Я лежал на каменном полу, надо мною нависал неровный пещерный свод. Руки и ноги онемели, и какое-то время я беспомощно ворочался, подобно перерубленному пополам земляному червю, вырытому рыбаком из кучи перегноя.

– Легче! Легче, ваше благородие! – услышал я бодрый баритон.

– Тоша, подсобишь, он сесть желает.

Мне «подсобили».

– С пробуждением вас, Павел Тимофеевич!

Старший офицер «Кречета», капитан второго ранга Федор Арсеньевич Стриженов, по дружески потрепал меня за плечо. Его обычно строгий седобородый лик нынче смягчала едва заметная улыбка. Ну, дело – табак! Чтоб Стриженов кому-то улыбался... Я ошарашено переводил взгляд с одного знакомого лица на другое.

Матросы, унтера, офицеры...

Семечек в арбузе, наверное, и тех бывает меньше. Каменный мешок, в котором мне довелось прийти в себя, был полон людей. Вместить всю команду «Кречета» это походящее на келью пещерного монастыря помещение, конечно, не могло. На первый взгляд вместе со мной здесь находились человек пятьдесят. Куда же, черт возьми, делись остальные?

Я не преминул задать вопрос Стриженову.

– Не знаю, что и сказать, Паша. В последний раз мы видели их на «Кречете».

– А... а что же произошло?

Стриженов пожал плечами и одернул на себе китель. И тут совершенно неожиданно я осознал, что помощник капитана сидит передо мной в кальсонах! И сейчас же обратил внимание, что никто из моряков не одет полностью по форме. Без головных уборов, многие босые, а кто вообще – в нижнем белье. Пожалуй, только священник «Кречета» – дремавший среди матросов отец Савватий – мог похвалиться тем, что одет, как полагается ему по сану. Лишь сгустки черной крови в обычно ухоженной бороде говорили о том, что и ему пришлось несладко.

Горемычное, потерявшее боевой вид и настрой воинство. Застигнутое врасплох таинственной силой в собственных водах, в месте, где ничто не предвещало опасности. В невоенное время...

Каждую секунду суровое прозрение заставляло обращать внимание на новые удивительные и прямо-таки пугающие детали.

Теперь мне бросилось в глаза, что лица моряков испачканы засохшей кровью. Вспомнилось, как у самого на борту броненосца открылось кровотечение. Не говорит ли это о том, что команда «Кречета» подверглась воздействию неизвестного оружия?

– Перетащили сюда нас, точно дрова, – сказал гальванерный старшина по фамилии Лаптев, – разве что не сложили поленницей.

– Не один вы, господин доктор, прибыли в пещеру без чувств, – продолжил молодой офицер-артиллерист Георгий Иванович Северский, – вот батюшка до сих пор в себя прийти не может.

– Боже! – выдохнул я, ощущая и малодушный страх, и недоумение.

– Неужели для кого-то оказалось так просто: одним махом обезвредить броненосец и всю его команду?!

В ответ на риторическое восклицание матросы принялись роптать и плевать.

– Где мы? Тоже никто не знает?

– Это не берега Либавы... – Стриженов пожал плечами. – Это... даже боюсь предположить, что...

– Умерли мы, ваше благородие, – изрек гальванер Лаптев, – и угодили в ад.

Как ни странно, мрачные и на первый взгляд лишённые всякого смысла слова положили начало оживленной словесной перепалке.

– Неужели батюшку – тоже в ад? – спросили матроса.

– А почему нет? – ответили с другого бока.

– Быть может, за его-то грехи и нас всех... того: черти в оборот взяли...

– Отец Савватий и мухи не обидел! – вступился за священника Северский. – Думай котелком, что мелешь, каналья!

– Полегче, ваше благородие, нет здесь пушки, которой вы командуете! – тут же осадили артиллериста. Матросы не очень-то жаловали этого офицера за чересчур запальной нрав и тяжелые кулаки.

Я поглядел на Стриженова, полагая, что сейчас он пригладит бороду, прочистит горло и уймёт спорщиков. Но старшего офицера одолевали сомнения. Он действительно пригладил бороду и действительно прокашлялся... А затем поступил так, как умел: надел на себя маску командира, взывающего к солдатам, которым с минуты на минуту идти под пули.

– Господа! – начал он зычным голосом. – Что бы ни случилось с кораблем, мы остаемся моряками, солдатами Российской Империи! Нашу задачу я пока вижу следующей... – у него неожиданно сел голос. Стриженов поглядел на свои обтянутые кальсонами полные ноги и смекнул, что в некоторых обстоятельствах пафос неуместен. – Слушайте меня сюда, ребята, слушайте внимательно, – продолжил глухо и почти ласково. – Необходимо выяснить о происшедшем все. Все! Что именно стряслось с «Кречетом», по чьей воле и кому от этого какая выгода... А сведения необходимо передать командованию. Вы слышите? Считайте, что мы в разведке. Если кому улыбнется удача вырваться за эти стены, тот должен знать, что делать дальше. Это я приказываю вам как старший офицер!

– Из ада по приказу офицера еще никто не выбирался, – пробормотал кто-то.

– Да что вы заладили: ад – рай! – вспылил Северский. – Как бабы на огороде!

В «келье» снова стало шумно.

– А вы видели, кто на нас напал? – спросили Северского.

– Нет! Может, вы видели?

– Может, и видели!

– И кто же?

– Демоны с чертями на поводках и их механизмы, – последовал четкий, как отрепетированная скороговорка, ответ.

– Тьфу! – Северский вскочил на ноги. При этом он подпрыгнул так высоко, что ударился головой о каменный свод.

– Ну, дела! – проговорил, выпучив глаза, гальванер Лаптев. Неожиданная прыть изумила и самого артиллериста. Он сел на прежнее место, потер ушибленную макушку.

– Мать честная! Куда нас занесло? – пробормотал Северский, враз лишившись спеси.

– Здесь есть вода? – спросил я.

– Вон, ваше благородие, иней можно полизать, – ответил мне Лаптев.

Я обернулся и увидел за спиной стену, покрытую изморозью. Серебристые узоры были испорчены темными пятнами и полосами: кажется, кто-то и впрямь пробовал лизать иней.

– Господи, помилуй! – простонал юный матрос, потирая живот. – Как до ветру хочется!

Да, мы попали в действительно скотское положение. Сорок три человека (я пересчитал) замурованы в крохотной пещерке, без еды и без воды, без места, где можно было бы справлять естественные потребности. И ни единого намека на то, что ожидает в ближайшем будущем...

– Так, господа хорошие! – протянул я, осторожно поднимаясь. Тело продолжало ощущать ту необычную легкость, которая пришла ко мне в первые секунды после крушения «Кречета». Казалось, оттолкнись ногами посильнее – и воспаришь, подобно птице. Не чувствовал ничего подобного с тех пор, как мне исполнилось тринадцать лет. – Кому-нибудь нужна моя помощь?

К счастью, раненых более или менее серьезно в «келье» не оказалось. Иначе мне без медикаментов и инструментов пришлось бы туго (а пострадавшим – и подавно). Час я вправлял вывихи, попутно измеряя морякам пульс. Говорил вслух, что все в порядке, про себя же не переставал даваться диву: что делают на флоте молодцы с сердцебиением восьмидесятилетних стариков? Я бы таких даже швейцарцами побоялся нанять. При этом – готов побиться об заклад, – что не далее как вчера они были абсолютно здоровы, а многие могли завязать кочергу морским узлом.

За минувший час у троих повторно пошла носом кровь. Чтобы ее остановить, они прикладывали к переносицам охлажденные при помощи инея пряжки ремней.

Отца Савватия я привел в себя, бесцеремонно отхлестав по щекам, заросшим мягким волосом. Матросы тут же окружили духовника. Вновь слышались вопросы про чертей и про ад. Несчастный батюшка не на шутку перепугался, его благостные глаза даже наполнились слезами. Мы со Стриженовым поспешили ему на помощь.

– Дайте человеку прийти в себя! Будьте же людьми! – возмущался я.

– Отставить мистику! Я вам покажу морских дьяволов и летучих голландцев! – кричал Стриженов.

Тем временем Северский и инженер-гидравлик – грузный малоросс солидного вида по имени Тарас Алексеевич Шимченко – с помощью зараженных энтузиазмом матросов обследовали стены каменного мешка. Под сводом они обнаружили ряд узких вентиляционных отверстий (в них не протиснулась бы и мышь) и еще – дверь, искусно скрытую среди дикого камня, словно вход в пещеру из сказки про Али-Бабу и сорок разбойников. Всех заинтересовал источник света: то, что мы сначала принимали за электрическую лампочку, в действительности оказалось колонией каких-то мельчайших организмов! Когда Тарас Алексеевич подпрыгнул к потолку (мы уже не удивлялись этой приобретенной способности) и прикоснулся к светящемуся шару пальцем, тот рассыпался в пыль. Мерцающие пылинки какое-то время кружили в токе воздуха (моряки, оказавшись в кромешной тьме, принялись бранить малоросса за неосмотрительность), затем вновь образовали колонию, но уже в другом месте.

– Доктор, вам приходилось видеть что-то подобное? – дернул меня за рукав Северский.

– И даже в книжках не читал, – признался я, лихорадочно переворачивая в памяти страницы трудов великих натуралистов современности.

Отец Савватий с шумом втянул в себя воздух, окинул взглядом стены нашей тюрьмы и спросил:

– А который нынче час, позвольте узнать?

Стриженов достал из кармана кителя хронометр на золотой цепочке. Откинул крышечку с выгравированным на ней двуглавым орлом и, сильно щурясь, поглядел на циферблат.

– Скоро шесть. Утро, – сказал он, а затем поглядел на меня и пояснил: – Нелегко, батенька. Монокль-то потерялся, теперь дальше носа ничего не вижу.

Священник самым тщательным образом прочистил горло и вдруг начал:

– *Отче наш, Иже еси на небесех!*

– Встать всем! Быстро! – приказал Стриженов, подсакивая на ноги.

– *Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли...* – подхватили мы, несколько недоумевая, но уже через несколько мгновений – тверже и дружнее.

– *...хлеб наш насущный даждь нам днесь...*

От слов молитвы, с которой начинался каждый день на «Кречете», стены тюрьмы задрожали, словно неприступный Иерихон от трубного зова. Никогда еще раньше и ни тем более позднее мы не обращались к Богу столь искренне и упоенно. Это были первые слова, с которыми мы вошли в незнакомый доселе мир. В них была наша суть, наша истина; в них была заложена наша судьба, наш нелегкий путь и в них же – залог грядущих побед.

– *... и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...*

...В моей памяти они навсегда останутся такими, какими были в тот момент. Низкорослый, но мощного телосложения отец Савватий. Стриженов – дубленый всеми ветрами старый моряк, великан и бородач. Северский... мой ровесник, хват и денди, с него тогда еще не осыпалась шелуха аристократичности. Гальванер Лаптев – маленького росточку, крутобокий, с черными бегающими глазами и аккуратными усиками под много раз ломанной в драках картофелиной носа...

В дальнейшем мне часто приходилось худо. Порой я мучился сомнениями, порой не давала покоя совесть. На моих руках умирали от кровоточащих ран друзья, и сам я оказывался на грани, когда, казалось, смерть не пощадит и не обойдет стороной. Тогда я вспоминал эти минуты, лица окружавших меня людей, духовную связь, от которой вокруг нас словно светился воздух, и лихо отпускало сердце, становилось легче дышать, тело покидала малодушная дрожь, и наполнялось оно, словно сосуд, мужеством, ниспосланным с Небес, ибо больше ему было взяться неоткуда...

– И все-таки, отец Савватий, – обратился я к священнику после молитвы, когда все расселись, – при более благоприятных обстоятельствах я бы хотел осмотреть ваши аденоиды. Слишком уж сильно вы говорите в нос.

– Сын мой, – изрек отец Савватий, – я готов принять это мученичество. Быть может, в привычной для тебя атмосфере лекарств и препаратов ты решишься наконец исповедаться.

Я опустил глаза: что тут скажешь? Я – грешник. Обряды соблюдаю не столь ревностно, как это делают, например, мои родители. А нашему священнику – иеромонаху Александру-Невской лавры – палец в рот не клади. Грамотный да прыткий, такой мигом епитимью пропишет.

Со стороны замаскированных дверей раздался громкий щелчок. Мы мгновенно подобрались. В руках Северского блеснула сталь кортика.

– Северский! – громким шепотом окликнул я артиллериста. – Откуда у вас оружие? Где вы умудрились его спрятать?

– Но-но, господин Пилюля! Много будете знать...

– О-о-очень хорошо! – протянул Стриженов.

Уж не знаю, чего хорошего помощник капитана углядел в единственном кортике. Мне в голову пришла неожиданная мысль: быть может, для нашего противника холодное оружие не представляет угрозы? Быть может, в лепете матросов о чертях и демонах содержится доля правды? Не хотелось бы – честное слово! – очень бы не хотелось...

Дверь отъехала в сторону, через открывшийся проход в «келью» хлынул яркий свет. Затем в каменный мешок втокнули закутанное в темный балахон босоногое существо. А то, что незнакомец оказался среди нас не по своей воле, я понял, оценив проворство, с которым он бросился обратно к дверям. Но двери захлопнулись у него перед носом, вызвав у при-

шельца кратковременный истерический припадок. Он принялся вопить и колотить по каменной поверхности, не жалея кулаков.

– Барышня! – мгновенно определили матросы.

От меня не укрылось, как черный, будто цыган, верзила-боцман Гаврила Аристархович Багров подает сигналы своим дружкам-матросам. Я мгновенно догадался, что последует дальше. Женщина окажется на полу, в горло ее упрется острое кортика... А уже затем начнется дознание: пострадавшая ли она, подобно нам, или же состоит на службе у неведомого противника. Я решил опередить события. Еще на «Кречете» у меня случилась с Гаврилой пренеприятная история. Я даже обращался к командиру корабля, капитану первого ранга И.К. Герману, с требованием повесить этого негодяя на рее. Сгоряча обращался, само собой. Дело было вот в чем: Гаврила поймал двух матросов на воровстве водки из ахтерлюка. Недолго думая, взял их за шеи, точно котят, и треснул друг об друга лбами. В итоге злополучные воришки оказались у меня в операционном пункте, и оба – с сотрясением мозга. А одному из них даже пришлось подштопать голову.

Поэтому сейчас я без колебания оттолкнул верзилу с дороги, схватил бьющуюся об дверь девицу за руки и крепко встряхнул.

Она подняла на меня полные слез фиалковые глаза.

– Отпустите меня... – прошептала обветренными губами. – Сжальтесь...

Я же застыл. И дело было не в том, что барышня оказалась хороша собой (несмотря на россыпь кровоподтеков на лице и давно не мытые, свалывшиеся, будто войлок, темные кудри). Просто я ощутил... Я ведь врач в пятом поколении. И дедушка, Царствие ему Небесное, не раз говорил: это случится, словно искра. И внутренний мир пациента откроется, подобно книге.

И вот «дедушкина искра» действительно коснулась меня. Впервые за десятилетнюю клиническую практику.

– Вы ждете ребенка, – сказал я.

По лицу девицы, и без того искаженному страхом, разлилась смертельная бледность, будто я завел речь не о беременности, а о саркоме или о газовой гангрене. Она беззвучно, порывы, захлопала губами.

Да, порой мы делаем открытия в неожиданных условиях. Как, например, я. И как она.

Я почувствовал на плече чью-то руку.

– Павел Тимофеевич, вы примете пациентку чуть позднее. Обернувшись, я увидел, что в спину мне дышат Стриженов и Северский. Девица отшатнулась, прижалась спиной к двери и поглядела на офицеров взглядом затравленной волчицы.

– Вам не причинят вреда, – пообещал я за всех, глядя в необычные яркие глаза. И добавил в адрес нетерпеливых офицеров: – Она очень напугана и истощена донельзя. Имейте такт, господа!

– Не беспокойтесь, господин доктор. – Северский усмехнулся. – Русские офицеры не обижают беременных женщин. Ну-с, сударыня, давайте знакомиться: это Федор Арсеньевич, а я – Георгий Иванович. А как вас звать-величать? Откуда вы? Рассказывайте все по порядку!

«Сударыня» же заколотила кулаками в дверь с удвоенной силой, заголосила почище сирены. Я покачал головой, вздохнул и отступил к противоположной стене «кельки». Мне показалось, что слова моряков не доходят до сознания этого жалкого, насмерть перепуганного создания.

Северский и Стриженов сначала засыпали беднягу вопросами, затем принялись утешать и уговаривать. Их старания пропали даром. Через какое-то время на помощь офицерам пришли матросы. Седой, как лунь, Тоша убеждал ласковым голосом:

– Дочка, никто тебя не обидит. Слышишь, дочка? Как звать-то тебя?

Тошу бил по рукам боцман Гаврила.

– Тянет здесь лапы!.. Эй, красавица! А, красавица! Крестом святым клянусь – ни одной девки в жизни не разобидел. Хорош голосить, а, красавица?

Как ни странно, общение помог наладить отец Савватий. Причем сделал он это самым простым и действенным способом: выудил из кармана рясы просвиру и сунул ее в трясущиеся пальцы девицы. Просвира была тверда, словно передержанный сухарь. Об этом можно было догадаться по раздавшемуся секундой позднее скрипу зубов и сосредоточенному выражению, появившемуся на девичьем личике.

– Галя... – сказала она после того, как слизала с грязных пальцев последнюю крошку. Звереныш соблазнился приманкой.

– Галя! – довольно отозвался Северский. – Итак, она звалась Галина...

К сожалению, девушка рассказать много не могла. Или, быть может, не хотела... Я так до конца и не понял это бормочущее невпопад существо.

Галя не знала, где мы находимся. Не знала, кто взял нас в плен. Но в каменный мешок ее забросили затем, чтобы она передала нам требования неведомых агрессоров.

Агрессорам мы были необходимы в качестве рабочей силы.

– Та-а-ак... – Стриженов глубокомысленно покрутил ус.

Матросы, не стесняясь присутствия священника и «сударыни», разразились грязной бранью. Работы, насколько мы смогли понять, были земляными.

– Та-а-ак... – снова протянул Стриженов.

Из слов Гали следовало, что утром (утром?) нам надлежит загрузиться в некое транспортное средство и отбыть на место работ. Если мы не сделаем это добровольно, то нас, по-видимому, повторно приведут в бессознательное состояние и вывезут насильно. В последнем случае трудиться, так или иначе, придется, но только на пустой желудок.

Когда на Галю стали полегоньку «давить», чтобы выяснить, кто же стоит за происходящими событиями, девица лишь начала истово креститься и нести всякую околесицу. Надо признать, что мистическая теория причин наших злоключений приобрела баллы в свою пользу.

О самой Гале узнать удалось тоже с гулькин нос. Ее в компании десятка девиц из южных губерний России некие ушлые дельцы обещали вывезти в Стамбул, дабы те нанялись в горничные к тамошним «беям». Пароход работорговцев (будем называть вещи своими именами) отплыл из какого-то таврического порта и, успешно разминувшись с пограничным дозором, растворился в открытом море. Черноморского побережья Турции судно так и не достигло...

– И чего тебя понесло, дуреха? – не выдержал Стриженов.

– От жениха старого бежала... – бесхитростно призналась Галя.

Бежала, бежала и прибежала. Я вздохнул: в Турции девицу поджидала незавидная доля. Не знаю, что лучше – ее теперешняя участь или то, что ей было суждено... Пока не знаю.

– Господа, вы все слышали, – обратился Стриженов к нам. – Что скажете?

– Святой воды бы нужно, – предложил гальванер Лаптев. – Как по-вашему, батюшка?

– Святая вода – она никогда не помешает, – задумчиво проговорил отец Савватий. – Добыть бы только воду.

– И все равно я не верю! – манерно всплеснул руками Северский. – Демоны не нападают на броненосцы! Это могут сделать немцы, англичане, французы, турки... японцы, в конце концов!

– Испокон веков море забирало корабли, – сказал Тоша замогильным голосом и перекрестился.

– Да, они все были похищены демонами! Демонам, оказывается, очень нужно, чтобы моряки копались в земле! – парировал саркастичный Северский. – Молчал бы, соломенная башка! Неужто проклятым грешных душ недостает, что они начали охотиться на живых людей? Отец Савватий?

– За души умерших, равно как и за души живых, идет ежедневная борьба, – ответил священник рассудительно.

Щелкнула дверь, мы повернули головы: а след девицы уже простыл.

– Тьфу ты! – сплюнул Стриженов. – Что за девка!

– Темная, невежественная, пресмыкающаяся перед всеми и вся; лицо русского крестьянства! – негодовал Северский. – От ее болтовни у меня возникло в два раза больше вопросов, чем было до того.

– Что есть – то есть, – со вздохом согласился Стриженов. – Но она не крестьянка. Держу пари!

– Послушайте, Павел! – окликнул меня Северский. – Какой дьявол потянул вас за язык сказать ей о... гм... ребенку, которого она якобы ждет?

– Не поминайте нечистого! Быть может, мы в его логове сидим! – зашипели на артиллериста матросы.

– Я так сказал, потому что Галина действительно ждет ребенка, – ответил я, глядя Северскому в глаза. – Срок пока незначительный: середина первого триместра. Вероятно, она сама не подозревала...

– Как же! Не подозревала! – пробурчал Стриженов. – Думается мне, раз товар не удалось доставить покупателям, так эти сволочи воспользовались им сами. Басурмане!

– Что же мы предпримем, господа? – спросил я.

– Надо ждать утра... когда оно там у них начнется? Утро вечера мудренее! – сказал Стриженов.

Северский захрустел кулаками. – А там прикажете – в бой? Нас здесь больше сорока душ, и все здоровые, крепкие мужчины...

«Ага – здоровые! Как бы не так!» – невесело подумал я.

– Не вздумайте, Георгий! – прикрикнул на артиллериста Стриженов. – Мы в разведке! Глядим в оба, определяем неприятеля, ищем остальных наших! И не забывайте, что кроме команды «Кречета» здесь, оказывается, есть другие люди. Надо бы познакомиться и выяснить, что у них на уме. И подберитесь, моряки! Если... если и придется столкнуться с нечистой силой, я хочу, чтобы кровь в жилах стыла не у вас.

Моряки продолжили разрабатывать стратегию, благо разговор шел без перепалок. Стриженов хоть и оставлял право окончательного решения за собой, но не мешал высказываться всем: от наученного жизнью матроса Антоши Проскурина до храброго командира орудийной башни главного калибра Георгия Северского. Я рассеянно слушал, как они обсуждают разные варианты развития событий: если неприятеля удастся сразить припасенным кортиком... если на него подействует святая вода... если не подействует святая вода и кортик... если удастся бежать... Но перед моим внутренним взором не исчезал образ затравленной босоногой девицы с яркими глазами необычного фиолетового цвета.

### 3

Замаскированная дверь открылась, когда хронометр Стриженова показывал без четверти час пополудни. Приблизительно минуту мы провели в тревожном ожидании, однако в светлом прямоугольнике проема так никто и не появился. Это походило на немое приглашение или, точнее, на требование.

– Ладно, балтийцы! – Стриженов шагнул к проему первый. – Где наша не пропадала? С Богом!

Мы потянулись следом. Отец Савватий бормотал молитвы, Северский готовился пустить в ход кортик, боцман Гаврила угрюмо чесал кудрявую голову. Мы не знали, что ждет нас за порогом «кельи», и тем не менее было приятно покинуть каменный желудок, воздух в котором уже порядком смердел.

Оставив «келью», мы оказались внутри хода с гладкими, округлыми стенами. Скорее всего, этот коридор имел естественное происхождение; может, его вымыла в толще скалы протекавшая здесь подземная река. Впрочем, давным-давно протекавшая. Со свода нам освещали путь десятки, если не сотни, шарообразных колоний светящихся микроорганизмов. С одной стороны брезжил розоватый, непривычный для глаз свет, с другой – коридор растворялся в пещерном мраке.

И здесь нас никто не встретил.

– Вперед, вперед! – ободрил всех Стриженов. Только почему-то шепотом.

– Хорош плен! – одновременно перешептывались матросы. – Мы что, и охранять сами себя будем?

– Может, они разглядели на кого напали и дали деру за Японское море?

– Вы, друзья, как хотите, а я сейчас же иду домой...

Здесь было чертовски холодно. Я не завидовал тем ребятам, которые оказались без сапог. Северский обратил мое внимание на боковую стену, и я сразу обнаружил еще одну замаскированную дверь.

– Быть может, за ней – наши? – предположил артиллерист. Он вынул кортик и осторожно постучал рукоятью.

– Эй! – окликнул я и тут же приложил ухо к камню, надеясь услышать ответ.

В глубине хода, неподалеку от покинутой нами «кельи», раздался сухой хлопок. Мы повернули головы и увидели разбухающее облако сизого дыма.

– Черт! – Стриженов попятился. – Газ! Бегом отсюда, моряки!

Я замешкался: почудилось, будто в клубах дыма проступают очертания гротескного человеческого тела. Вот-вот облако поредет, и я увижу...

– Рудин! – позвал меня по фамилии Северский. – Уносите ноги!

Опомнившись, я припустил следом за моряками. Мне не переставало мерещиться, будто вместе с мятным запахом неизвестного газа меня преследует чей-то тяжелый, лютый взгляд.

– Уф, уф! – тяжело отдувался Стриженов. Было нечто комичное в том, что храбрый офицер бежит в кальсонах, обтягивающих обычно ленивые ноги. И еще как бежит! Не хуже заправского марафонца!

Помощник капитана, держась за сердце, одолел подъем (камень под ногами был гладким, и приходилось прилагать усилия, чтобы не поскользнуться) и первым выбрался из толщи скалы. Следом за ним вывалили остальные.

В лицо мне ударил знакомый ледяной ветер. В который раз я почувствовал себя ошеломленным. Дьявол, если так пойдет и дальше, то скоро это войдет в привычку! Я увидел горы, превращенные неутрачиваемым ветром в причудливые башни. Скалы обрамляли каньон, который был столь глубоким, что дно его терялось во тьме. Я увидел головокружительную про-

пасть, крутой склон, вдоль которого спускалась опасная тропа. Я смотрел, смотрел, смотрел... Сбитый с толку бедняга-мозг отчаянно старался осознать увиденное, дать объяснения, подобрать привычные названия, приклеить бирки. Но – тщетно. Рассудок отказывался воспринимать действительность.

Все вокруг оказалось окрашенным в оттенки красного и желтого. Припоминалось отдаленное сходство: в Финляндии мне доводилось видеть пестрые, насыщенные непривычными для глаз красками долины. Всему причиной там были мхи, а здесь... Я наклонился и взял пальцами щепотку рыжего, словно ржавчина, колючего песка. Песок, всюду песок. Песок несется мимо скал, он ни на минуту не прекращает свою ювелирную работу. Песок взлетает к вершинам гор, затем – еще выше и красит морозное небо, чуть тронутое налетом перистых облаков, в розовый цвет.

Над горизонтом висит маленькое, болезненно-красное, неласковое солнце...

– Это Австралия, божусь вам! – проговорил осипшим голосом Тарас Шимченко. – Мне кум рассказывал! Там он видел горы красные, как кирпич!

– В Австралии жарко, а здесь – словно в Питере... зимой! – возразил Северский.

– Но и на ад не похоже, – осторожно высказался гальванер Лаптев. – В аду должно быть жарко.

– А ты почему знаешь, Кирюха? Бывал, что ли? – огрызнулся в своей обычной манере боцман Гаврила. – Вон, в Сахаре тоже по ночам холодно. А днем можно картошки в песке печь.

– Ваше благородие! – вдруг завопил незнакомый мне молодой матрос. – Братцы!..

Все посмотрели на морячка: тот замер, вытаращив остекленевшие глаза, только трясущаяся рука указывала куда-то вбок. Мы дружно повернулись и увидели справа от пещеры... два металлических цилиндра, стоящих один на другом. Тот, что с меньшим сечением, находился снизу, с большим сечением – наверху. Оба цилиндра имели сложный рельеф, на них серебрилось то, что можно было принять за надпись. Скажем, на японском языке. Это, несомненно, была машина: достаточно большая, почти в человеческий рост высотой, новая и неизвестная мне машина.

– Чего орешь, каналья? – налетел на матроса Северский.

– Это... это... – бормотал юноша, не убирая указующего перста.

– Чего, Сурок? – насел с другой стороны Гаврила. – Скажи по-человечески? Вишь, их благородия ждут?

– Это... я их видел... это они напали на «Кречет»..

– Та-а-ак! – Стриженов снова взялся крутить ус.

– Что за чушь! – выпалил Северский.

– То-о-о... только у них ноги были, как у каракатицы, – проговорил, стуча зубами, матрос. – И бегали они, и по вантам карабкались...

– Правду говорит, похоже! – поддержал юношу матрос постарше. – Я вначале не признал. Те бегали, а этот столбом стоит.

– Сами вы – каракатицы! – Северский решительно растолкал матросов и приблизился к механизму. Протянул руку, приложил ладонь к круглому боку.

– Отчаян, шельма! – пробурчал едва слышно Стриженов. Северский же, осмелев, принялся ощупывать машину руками.

– Эта штука сложнее, чем гидравлика в оружейной башне, – сказал он. – Тарас Алексеевич, может, взглянете поближе? Вы ведь как-никак инженер.

– Ой, да чего-то мне не хочется, Георгий, – ответил малоросс. – Смотрите, вон там – еще один! – послышался голос Лаптева.

И точно: если спуститься по дорожке, берущей начало у пещеры, то можно было увидеть точно такой же механизм. А еще ниже – следующий. Загадочные машины стояли вдоль крутой тропы, точно часовые. От неприятной ассоциации меня передернуло. Как-то легко верилось,

что при надобности они смогут выпустить из себя металлические щупальца и превратиться в ловких, словно пауки, преследователей.

Чтобы отвлечься от дурных мыслей, я решил проверить одну теорию. Для этого я поднял с земли каменный обломок в кулак величиной и с силой швырнул в сторону каньона. Камень с едва слышным «фрррр!» превратился в точку, растворившись на фоне розового неба. Несколько матросов оказались случайными свидетелями моей выходки. Они удивленно присвистнули, зацокали языками.

– Господа! – громко объявил я остальным. – Не знаю: преисподняя ли здесь или же небеса. Но это место расположено не на Земле. Понимаю, что мне вы так просто не поверите, но... – я сделал драматическую паузу, – ...мы на другой планете, господа.

Северский отлип от механизма, напугавшего матросов (а с ним он стоял теперь почти в обнимку), и собрался, видно, сказать что-то нелицеприятное, как слова мои нашли неожиданное подтверждение. Из тьмы каньона стремительно рванулся к небесам небывалый летательный аппарат. Выполненное целиком из сверкающего металла, каплевидное, с расходящимися в стороны плоскостями крыльев, это чудо танцевало в воздушных потоках с грацией примы-балерины. Раздался звук, напоминающий раскат грома, в воздух взметнулись тучи мельчайших песчинок... Пока мы чихали и кашляли, удивительный летун успел скрыться за дальними горными вершинами.

Ветер донес до нас чей-то далекий возглас:

– Э-гей!..

Еще ниже, там, где тропа превращалась в ниточку на красно-коричневом теле склона, я разглядел каменное сооружение, похожее на пирс. Только нависал он не над морской пучиной, а над пропастью. Пыль немного улеглась, и стало видно, как на каменном языке пирса суетятся крошечные, точно муравьи, человеческие фигурки. Из-за расстояния, разделяющего нас, немудрено было ошибиться, но мне показалось, что эти люди носят белые матросские фланелевки с синими воротниками.

Людей поглощала другая птицекрылая машина. С пирса – на трап, с трапа – в широкий люк летуна они переходили быстро и безропотно, словно подгоняемые ударами кнутов.

С ворчливым рокотом машина отошла от пирса. Сначала медленно, почти как воздушный шар, стала набирать высоту. Затем грянул гром, и второй летательный аппарат пропал в розовом небе, исчез так же, как и предыдущий.

И все-то сваливается на нашего брата сразу!

Завибрировал воздух вокруг цилиндрического механизма, заставив моряков брызнуть врассыпную. На наших глазах верхняя половина загадочного устройства раскрылась множеством металлических «лепестков». Обнажились ажурные решетчатые структуры, а за ними я увидел переплетение тускло светящихся узлов, по сложности не уступающих, а может, и превосходящих человеческие органы.

– Покориться! – раздался леденящий кровь голос. И шел он – клянусь! – из сердцевины разверстого устройства.

Послышались гулкие шаги. На пороге пещеры возникла великанская фигура. Существо, представшее перед нашими позеленевшими лицами, было в полтора раза выше любого из моряков; оно обладало длинными обезьяньими руками и головой, напоминающей мясистого красного червя. На этом омерзительном отростке отсутствовали какие-либо органы чувств: ни глаз, ни ушей, ни носа. Жуть! На богомерзкое создание была надета броня, напоминающая пластинчатый доспех средневекового европейского рыцаря. Я мысленно окрестил великана «червелицым».

– К-хээ! К-хээ! – услышали мы с другой стороны: по тропе поднимались, несясь на четвереньках, три не менее отвратительные сущности. Они походили на очень старых, голых, высохших до скелетоподобного состояния людей. Лишь необычное расположение мышц и суставы

конечностей, сгибающиеся под невозможными углами, красноречиво говорили о том, что перед нами – твари, напоминающие людей не больше, чем лошадь – корову. Первый добравшийся до нас «старик» сбил с ног седого матроса Тошу. Повалил его на спину и принялся по-собачьи, с шумом, обнюхивать. Бедный Тоша умер на месте. От худых шей «стариков» тянулись черные ленты узких поводков (крепились они, кажется, прямо к хребтам чудовищных пародий на людей), поводки сжимало в лапах иное существо. На первый взгляд оно походило на чернокожего человека в шубе, и лишь на второй, более пристальный, становилось понятно, что «шуба» – это одно создание, а то, что ее носит, – второе...

– Покориться! Покориться! – непрерывно лилось из раскрытого цилиндра. Вот уж не знаю: если бы нас окружили вооруженные трезубцами рогатые черти, а из пропасти выбрался сам адский Сатана, сопровождаемый злобными демонами и огненными извержениями, – стало бы это страшнее? И тем более не знаю, как должны были вести себя моряки, чтобы, – я вспомнил слова Стриженова, – «кровь в жилах застыла не у них»... Сам первый помощник стоял, выкатив налитые кровью глаза. Его лицо было краснее свеклы, и мне показалось, что с секунды на секунду он может свалиться от сердечного удара. По припорошенным ржавой пылью кальсонам Стриженова расплзлось темное пятно. Я не заметил, чтобы на лице морского волка присутствовал хотя бы намек на командирское мужество и хладнокровие.

– Покориться! Покориться! – пульсировало в наших ушах.

И мы покорились.

Сломались...

Наши души обычно чисты, как родниковая вода. Однако на дне лежит осадок, доставшийся по наследству от диких предков. Если воду всколыхнуть как следует, осадок поднимется, и животное возьмет верх над человеком.

Мы побежали вниз по тропе. Из-под ног выворачивались камни, ветер, словно почувствовав нашу слабость, с особым цинизмом принялся хлестать по глазам песчаными струями. С небес глядело красным глазом нерадостное солнце.

Северский потерял кортик, на который он так надеялся. Выронил и даже не подумал о том, чтобы задержаться и поднять оружие. Матрос Сурок, горемычный матрос Сурок, сорвался. Сначала он заскользил по тропе на пятой точке опоры, затем его закрутило, завертело... Морячок был еще жив, когда мы пробежали мимо. И никто не остановился, чтобы помочь ему. Даже я, горе-доктор.

У пирса нас накрыла тень: летун вернулся. Или это был брат-близнец аппаратов, отправившихся за горы, – попробуй разбери! Крылатая машина пристала к пирсу. Она повисла над пропастью, словно ее удерживали в воздухе невидимые тросы. Открылся широкий, как пасть кашалота, люк.

На пирсе находился еще один цилиндрический механизм. Он был раскрыт и монотонно повторял: «Покориться!» Одно и то же, раз за разом. А ведь мы даже не помышляли о сопротивлении. Здесь же присутствовало существо в «шубе», у его ног (ног?) застыла в напряженных позах свора «стариков» на поводках...

Я не мог заставить себя поднять глаза, чтобы рассмотреть эту братию в подробностях. Мне хватило червеголового человека на пороге пещеры! Я был в ужасе! Я был напуган дьявольски! До полуобморочного состояния. До потери связи с действительностью. Мне приходилось прилагать невероятные усилия, дабы не утратить контроль над сфинктерами, а мыслить трезво – уж увольте, не тот случай!

Единственное, о чем мне хотелось бы упомянуть отдельно, – ни одно из чудищ не применило физического насилия (не считая нападения «старика» на Тошу, которое, может, было вовсе не нападением). Наши мозги оказались зажатыми в тисках собственного страха, и именно страх являлся тем кнутом, который заставлял нас вести себя подобно животным.

Да, мы превратились в животных. Отвратительных животных с человеческими обли-  
чьями.

Отец Савватий, стоя на четвереньках, лакал из квадратной лохани зеленоватую воду. Матросы столпились вокруг других лоханок. В жестяных емкостях дымился мутный бульон, а в бульоне плавало порубленное крупными кусками мясо на костях. Моряки принялись набивать рты нехитрой пищей, при этом они издавали истерические всхлипы, вздрагивали от беззвучных рыданий, давились и крепко толкали друг друга, борясь за приглянувшийся кусок.

Мне стала ясна подлинная трагичность нашего положения, едва я взглянул на первый попавшийся ломоть.

– Человечина.

Я сумел произнести это мерзкое слово громко, внятно, с некоторой долей отстраненности. Трапезу я испортил, да. Но стоит ли об этом рассказывать?

– К-хээ!

На нас тут же набросились «старика», их глотки раздувало кашляющим лаем, но «шуба» остановила свору, подтянув поводки.

Мы сами выстроились напротив трапа, ведущего на борт летающей машины. Мы стали подниматься, хотя об этом нас никто не просил. Мы заполнили трюм, сгрудившись во тьме, как стадо безмолвных баранов. Когда же закрывшийся люк отрезал от нас пирс, мы восприняли это едва ли не с облегчением.

## 4

Всю жизнь мы нарочно пугаем себя. В детстве – историями о ведьмах и оживших мертвецах. В юности мы зачитываемся страшными сказками Гауфа. В молодости смакуем «Пиковую даму» и «Каменного гостя» (а вы до сих пор не читали?); мы вкушаем фантастические произведения Гете, Шелли, Бальзака, Верна, и от этого наши аппетиты по отношению к таинственному и пугающему разжигаются сильнее и сильнее. О, испугайте нас, пожалуйста, еще! Заставьте покрыться «гусиной кожей», когда случайный сквозняк потушит свечу в полуночной комнате! Мы приходим в невольный азарт, обсуждая подробности кровавых преступлений и несчастных случаев. Мы перебрасываемся друг с другом бредовыми сплетнями о детях, рожденных хвостатыми и зубастыми, о встречах с умершими людьми, о гигантских крысах, пауках и змеях. Нас приводит в болезненный восторг мрачная романтика спиритических обрядов и сама возможность существования лазейки в потусторонний мир. Кроме того, нас настойчиво пугают священники, предрекая адские муки, которые постигнут каждого в расплату за возможные прегрешения (в том числе – и за участие в спиритических сеансах). И не забудьте об апофеозе апофеозов – об Армагеддоне, о Конце Света, которого традиционно ждали на рубеже веков и так же традиционно не дождались.

Сознательно и бессознательно, изо дня в день мы готовимся ко встрече с неизвестным и сверхъестественным. К тому, что однажды явится перед тобой, словно чертик из табакерки. Выскочит, выпрыгнет – и в один миг перевернет представления о привычном мире и о твоём месте в нём. Готовим себя, закаляем, муштруем...

Однако действительность оказывается коварнее, и тут ничего не попишешь. Реальность всегда страшнее выдуманной истории, даже самой талантливой. Всегда. И к этому нельзя каким-либо образом подготовиться.

– Как же это могло случиться?.. Что же с нами будет?..

Грузный и солидный, точно гоголевский Бульба, Тарас Шимченко сидел на полу, обхватив круглую голову руками. Его могучие плечи сотрясала крупная дрожь.

Северский ломал спички одну за другой, тщетно пытаясь закурить папиросу. Отец Савватий стоял на коленях, устремив взор вверх. С мокрой бороды священника стекала вода, на лице была растерянность. Складывалось впечатление, будто духовник напрочь позабыл слова всех молитв и теперь отчаянно пытается вспомнить хотя бы первые строки «Отче наш».

В трюме летающей машины царил полумрак. Тусклый свет проникал через ряд узких, словно щели, запыленных иллюминаторов. Сильно пахло теплым железом и, кажется, машинным маслом. Было не холодно и не жарко, в меру шумно (гудели, очевидно, двигатели летуна) и относительно спокойно. По крайней мере, нам выпал шанс еще раз обсудить свое незавидное положение.

– Но почему? Павел Тимофеевич! Я вас спрашиваю: почему?

Я поднял глаза на Стриженова. В голове моей шумело беспощадно. Меньше всего сейчас хотелось разговаривать, тем более – строить какие-либо гипотезы. И все же понимание происходящего снизошло на меня, стоило только поднапрячь извилины.

– Они, Федор Арсеньевич... – Я сглотнул, борясь с внезапным приступом тошноты. – Эти создания... они не знают, чем мы питаемся. Они не знают, что для нас – яд, а что – нектар. Они решили, если мы станем поедать самих себя, то уж наверняка не отравимся. И они не ошиблись. Видит Бог, у них все просчитано.

– Проклятье! – выругался Стриженов. – Но вы видели этих бестий? А запах от них, а? Я... я, простите, обделался. – Он смущенно указал на мокрое пятно на кальсонах.

– Ничего, – ответил я. – Это бывает. Нечего стыдиться: мы все здесь мужчины. Северский нервно зачмокал губами, ему наконец удалось закурить. Мне тоже хотелось подкрепиться табачком, но в трюме и без того было нечем дышать.

– И я вел себя отнюдь не геройски, – пробормотал Северский. – Я ожидал, что все будет по-другому. Решительно не представляю, чем можно было бы укрепить дух.

– Водкой! – сострил я.

– Верно, – не стал спорить артиллерист, он даже смог улыбнуться, – я бы сейчас не отказался от половины чарки. Или от целой.

– Да-а-а! – Стриженов дернул себя за ус. – Твои слова да Богу бы в уши, Георгий.

Рядом с офицерами выросла мрачная фигура боцмана Гаврилы.

– Ваше благородие! – обратился он к Стриженову. – Бежать нам всем надо. Разведка разведкой... Какая здесь может быть разведка, ваше благородие? Мы ведь не военнопленные и даже, кажется, не рабы.

– Гаврила прав, – поддержал я боцмана. – Нас принимают за животных. И мы станем животными, находясь под властью этих хозяев. То, что я увидел, не позволяет сделать иного вывода... Я осекся, вспомнив Галину. Ее руки были не толще тростинок. Как сейчас помню: держу за плечи, а под пальцами – тоненькие, сухонькие щечки. Кости да кожа. Мое сердце наполнилось состраданием.

Заскворчала папираса, Северский выдохнул облако дыма.

– Да и баба та... – артиллерист будто умел читать мысли. – Она не выглядела упитанной. Мне кажется, господа, ничего путного из нашей покорности не выйдет.

– Пахать заставят да голодом заморят, – высказался Гаврила. – Лично я своего брата жрать не собираюсь. Я не негр дикий.

Мы поглядели на остальных. Моряки, по-моему, не были готовы к решительным действиям. Одну половину отряда все еще рвало, а вторая лежала просто вповалку.

– Ладно, посмотрим. – Стриженов уселся рядом со мной.

– Боже, дай нам сил! Где бы взять эти силы! Я закрыл глаза. Корпус летуна заметно вибрировал, заражая дрожью мою мокрую от пота спину. Стриженов вдруг принялся рыдать. Черт! Это случилось так неожиданно, что я оторопел и упустил момент, когда можно было бы прервать досадную истерику на корню.

– Братья мои!.. Православные!.. Русские землячки!.. – Сначала Стриженов полез лобызаться с Северским, а затем и меня заключил в жаркие объятия.

– Тише ты... ваше благородие! – Я похлопал помощника капитана по упитанным плечам. – Держите себя в руках, Федор! Христос терпел и нам велел!

– Паша, нет больше корабля... – рыдал Стриженов. – Где теперь родная сторона? Ее тоже нет! – говорил он невпопад. – А ты помнишь их? Шерсть торчком! Глаза отовсюду! Смердят, как Сатана. Лучше смерть, чем такая доля. Уж лучше бы мы все пошли ко дну!

– Это всегда успеется, ваше благородие, – утешал я крупного бородатого мужчину в высоком офицерском чине чем только мог. – Отчаяться никогда не поздно. Но мы стоим только в начале пути. Поэтому нужно укрепить сердца... Ненавистью ли к врагу, молитвой ли, желанием ли вернуться домой... Путь будет долгим.

Стриженов свернулся на полу калачом, словно большая старая собака. Через несколько минут его хриплые стоны превратились в равномерное похрапывание. А ведь и часу не прошло с тех пор, как он шагал впереди отряда, подбадривая своей волей и несгибаемостью остальных!

Если бы я мог предвидеть, что случится дальше, то попрощался бы с ним сейчас. Уверен, в эти минуты Стриженов еще в какой-то мере объективно воспринимал происходящее.

Нас выдернули из привычной среды обитания. Мы потеряли привязку к обыденным реалиям. И какими оказались беспомощными! Словно медузы, выброшенные волной на берег,

плавающие под прямыми лучами солнца. Сильные, закаленные солеными ветрами и штормами люди ломались под давлением необъяснимых обстоятельств, словно спички.

А каков запас моей прочности? Сколько времени я смогу сохранять твердость духа и трезвость мышления?

Летающая машина уносила нас все дальше и дальше. Внизу мелькали унылые красно-коричневые пустоши, где не за что было уцепиться взгляду. Ржавые камни и ржавые пески, ничего другого. Мир ржавчины или Ржавый мир. Куда нас везут? Для чего? Как далеко осталась стальная громада «Кречета»? Тень от завтрашнего дня напознала на сегодня, и впору было окончательно потерять надежду.

– Павел, вы сказали, что мы попали на другую планету, – прервал мои размышления Северский, – у вас есть предположение, куда именно нас занесло?

Я пожал плечами:

– Не знаю, Георгий. Быть может, мы оказались на Марсе или на Венере? Скорее на Марсе, ведь на Венере океан... и тепло, словно в тропиках. Так считают ученые. А может, это – Юпитер. Или же Сатурн.

Что поделать: мои познания в астрономии были ограничены, равно как дальность зрения современных телескопов. Я не мог дать точный ответ на вопрос артиллериста.

– Марс... – Северский устало потер глаза. – Я знаю эту звезду. Было бы любопытно отыскать в его ночном небе Землю...

Я подсел к иллюминатору. Пейзаж за бортом успел измениться. Пустошь, казавшаяся бесконечной, сменилась редколесьем. Я наблюдал за тем, как деревья тянут голые ветви к небу, как забавляется ветер с опавшей листвой цвета меди. Мое сердце ускорило ход: а ведь и здесь имеются оазисы! И, быть может, под чужим небом розового цвета отыщутся уголки, где человек обретет убежище, сумеет добыть пищу и воду...

Разум настойчиво искал площадку, на которой можно было бы построить прочный фундамент надежды.

Затем заблестело, засверкало.

Невозможно спутать этот блеск с чем-либо другим: там внизу текла река!

Деревья отступили, освободив место широкому руслу. Я сдержал вздох разочарования: воды в русле оказалось – кот наплакал. Похоже, река за последнее время сильно обмелела. Среди бурого ила сияли россыпи широких луж, соединенных друг с другом капиллярами ручьев. Являлась ли здешняя засуха сезонным явлением или же ее вызвали иные причины, я пока не мог сказать с уверенностью. Я слишком мало был знаком с этим холодным, негостеприимным миром.

Река и оазис. Если нам удастся бежать...

Русло оказалось необычайно прямым, и я в конце концов сделал вывод, что мы пролетаем над рукотворным сооружением. Скорее всего, над каналом. Летающая машина мчала на впечатляющей скорости, а канал тянулся и тянулся, словно Транссибирская магистраль. Складывалось впечатление, что нет у него ни начала, ни конца. Неужели климат этого мира так холоден и сух, что кому-то для выживания здесь потребовалось создать столь грандиозное ирригационное сооружение?

Стоило летуну подправить курс на полтора-два градуса, как в поле зрения попали отвалы земли. Среди рыжих холмов суетились крошечные фигурки.

Косматый боцман Гаврила приник к соседнему иллюминатору. Почесывая подбородок, он то и дело издавал глубокомысленное «хм!». Боцман буквально заставил мой зараженный микробом графомании мозг сравнить его с фантастическим генералом, которому выпала возможность осмотреть позиции врага с высоты птичьего полета.

– Поглядите, доктор! – обратился он ко мне. – Не тем ли придется заниматься и нам?

Я ничего не ответил. Что делают эти существа, мне было не разглядеть. Более того, я даже не мог сказать с уверенностью, являются ли они людьми или принадлежат к богомерзкой братии.

Зато я заметил, что чем дальше, тем земляные отвалы сильнее сползают в русло. Вот канал перегорожен красно-коричневым грунтом наполовину, а вот – он уже засыпан полностью.

Рукотворной реки не стало. Через минуту я не мог распознать даже контур канала – столь тщательно его завалили землей. Да и ветер успел все отутюжить. Опять потянулась бесконечная пустошь...

И только я собрался позволить глазам отдохнуть, как Гаврила замахал руками. И вновь мы прильнули носами к пыльному стеклу. Вновь глядели на пустошь.

Неизвестный корабль промелькнул под нами со скоростью стремительной ласточки. Точнее, это мы промелькнули над ним... Но глаз у меня зоркий, поэтому я успел приметить, что судно, лежавшее на каменистом возвышении, имело весьма необычную конструкцию. В размерах, очевидно, оно самую малость уступало «Кречету». Я заметил ряд гребных колес, которые располагались вдоль повернутого к небу (к нам) борта, а их было не меньше шести. Тупоносый, трехтрубный пароход-переросток. На поломанных мачтах трепетали обрывки снастей.

Ничего не знаю о том, чтобы подобные корабли состояли во флоте хотя бы одной державы. Хотя – признаюсь честно – я не эксперт в данной области.

И в следующую секунду нас с Гаврилой прижало лицами к иллюминаторам. Летящая машина заложила слишком крутой поворот. Пол рванулся вниз, а наши желудки – вверх. Послышалась сдавленная ругань (мы больше не стеснялись присутствия отца Савватия; к тому же он до сих пор не вышел из состояния религиозного ступора).

Воздушное путешествие над новым миром подходило к концу. Наше испытание вот-вот должно было перейти на новый этап.

Что я давеча говорил Стриженову? Укрепить сердца... что-то еще... Жаль, что не записал. Неплохо было бы перечитать для поддержания собственного духа.

## 5

«Человек – исключительная скотина, – поделился однажды со мной размышлениями профессор Ф.А. Бергман. – Стерпеть может все или почти все... Баста, милейший! – Он продемонстрировал уставшему вырваться, навсегда сорвавшему голос человеку щипцы, в которых бы зажат крошечный, похожий на речную гальку камешек. – Вот этот обмылок закупоривал мочевыводящий канал, из-за него вас пришлось истязать битый час. Сейчас ассистент зашьет промежность, и после, голубчик, сможете соснуть. Вы держались молодцом! Приступайте, пожалуйста, Паша».

...Летающая машина приземлилась на утопанную площадку среди отвалов рыжего грунта. Люк бесшумно открылся, трюм зачерпнул порцию бледно-красного света, смешанного с вездесущей пылью. В проеме возник нечеловеческий силуэт: «шуба» и «носитель».

– Покориться! – раздался уже знакомый голос. Значит, механизм-цилиндр тоже присутствовал неподалеку.

Разбуженный во время посадки Стриженов, очевидно, устыдился минувшей слабости и решил восстановить «статус-кво». Он стоически занял место во главе отряда и даже первым шагнул на трап. У всех нас вырвался вздох удивления, когда помощник капитана встал перед «шубой» во фронт – словно перед адмиралом. Три секунды длилась безмолвная пауза; никто не мог понять, что, собственно, происходит. Затем Стриженов неожиданно пошатнулся так, будто под его ногами была палуба угодившего в шторм корабля, а затем и вовсе свалился на землю.

Гаврила, я и еще двое матросов поспешили к старшему офицеру на выручку. Но чтобы добраться до Стриженова, нужно было проскользнуть мимо «шубы»: та безмолвно возвышалась посредине трапа. Ее крохотные глазки, разбросанные среди шерстяных волн, как и фасетчатые вежды «носителя», не моргая, глядели на нас. Словно чудовищное двуединое существо испытывало людей: твари мы дрожащие или право имеем.

При приближении к «шубе» все четверо испытали острое чувство страха. Ноги отказывались слушаться, паника глушила голос разума. Мерзкое создание будто излучало флюиды, перенести которые человек был попросту неспособен. Я знаю, что ни одно животное на Земле не в состоянии выдержать пристальный человеческий взгляд; так и мы не могли перенести взора этих бестий.

И вернуться бы нам четверым в трюм, и вжаться бы в дальнюю стену так, как это делали остальные... Если бы не сумасбродная выходка Северского.

Мы пятились обратно, когда артиллерист, широко расставив руки, вклинился между нами. Позднее он признался, что был намерен лишь подтолкнуть, увлечь меня, Гаврилу и матросов за собой. А вышло так, что вместе, теперь впятером, мы потеряли равновесие и скопом повалились на лохматую бестию.

Я врезался в «шубу» лицом и руками. Кожей ощутил жесткую, жаркую и при этом влажную шерсть. Она обожгла меня, словно крапива. Я заверещал, задыхаясь от кисло-сладкой вони, которой исходило мерзостное тело. Замычал от отвращения Гаврила, роняя на грудь клейкую слюну, разразились бранью матросы. Окаянный Северский скатился по трапу на землю, точно бочка. Мы же: я, Гаврила, матросы, «шуба» и «носитель», которые двое в одном лице, – рухнули кучей-малой на Стриженова.

Трудно передать, что я испытал в тот момент. Страшное двойное существо было столь же отталкивающим, как мохнатый мадагаскарский паук-птицелов, как растрепанная канализационная крыса, поедательница нечистот. А мы лежали друг на друге, словно пыльные любовники, и голова «носителя», похожая на гигантского блестящего жука, находилась перед моим лицом.

Откатился. Попытался встать, но не смог. Зарылся лицом в колючий песок. Краем глаза заметил, что Северский бросается в кучу-малу и... с размаха бьет сапогом в лысый череп «носителя». Лих же этот офицер! Всем бы так... А Северский бьет еще и еще! «Шуба» пытается сползти с костяного каркаса «носителя», но в нее уже вцепился Гаврила. Боцман, осклалившись, силится порвать ее руками, точно тряпку.

Движение со стороны ближайшего земляного отвала. К центру схватки мчит едва уловимая глазом тень. Я кричу:

– Берегись! Слева! Цилиндрический механизм действительно передвигается на металлических щупальцах. Они кажутся такими тонкими, почти прозрачными... И атакует он в самом деле молниеносно.

Он врзался в Северского, точно таран. Артиллерист взмыл в воздух, перевернулся через голову и упал плашмя на землю. Цилиндр же наполовину врыл щупальца в грунт и заметался, словно маятник на пружине: влево – вправо, вперед – назад, раздавая своим корпусом могучие, звонкие удары.

«Шуба» напозла на «носителя». Существо восстановило двойственную ипостась и поплелось вверх по трапу. Цилиндр в это время утихомирился: спрятал щупальца, замер, окруженный стонущими и плюющимися кровью моряками. «Шуба» же нырнула в трюм. Через минуту-другую оттуда резво высыпали остальные люди.

Ко мне подбежал гальванер Лаптев:

– Вы ранены, ваше благородие?

– Нет, – ответил я, поднимаясь на ноги. – Как Гаврила? Как Северский?

Северский в тот момент пытался сесть. Его лицо было перепачкано кровью (а может, больше пылью красного цвета), но он силился улыбаться:

– Ну, суки! Вот суки! – приговаривал бравый артиллерист, ощупывая себе ребра, шею и подбородок.

Я набрал в легкие воздуха, чтобы поинтересоваться его самочувствием, но Лаптев дернул меня за локоть. На трапе вновь выросла закутанная в «шубу» фигура.

Моряки невольно попятнулись, ощутив на себе действие чужепланетных флюидов. Вокруг «шубы» мгновенно образовалась «сфера отчуждения». Лишь Северский и Гаврила, которые не могли отступить подобно остальным, легли на песок, обратив обреченные взоры в небо.

«Шуба» поплелась вдоль корпуса летающей машины, направляясь к ее носу. Продолжать расправу не входило в ее планы. От моего взгляда не укрылось то, что тварь пошатывается, что движения ее неточны и заторможены. Мои подозрения подтвердились, когда двуликое существо вдруг остановилось и «носителя» вырвало дымящейся струей желто-зеленого химуса.

Тела неведомых хозяев планеты, оказывается, так же уязвимы, как и наши! Если они в какой-то мере и крепче, то уж точно не из железа выкованы. Оказывается, этим тварям мы способны «намылить» шею. Причем – голыми руками.

Отхрипевшись, зловонное существо поплелось себе дальше. Мы молча проводили взглядами уродливую мохнатую бестию. Жаль, что она не свалилась замертво на наших глазах. Тогда моряки смогли бы поздравить себя с первой победой на этой планете.

Но, видимо, время еще не пришло.

«Шуба» исчезла из нашего поля зрения. Корпус летающей машины вздрогнул, взметнулись вверх густые клубы пыли. Через минуту серо-розовая завеса рассеялась, открыв нашим взорам опустевшую площадку. Мы остались одни.

С возвращением мнимой самостоятельности (цилиндр-то остался, а приглядывал он за нами или нет – кто тогда мог знать?) вернулась способность думать и действовать. Мы поставили на ноги Северского, Стриженова, Гаврилу и остальных. К счастью, все они отделались ушибами и синяками. Северский, правда, лишился двух передних зубов. Гаврила, глядя, как тот отплевывается кровью, проворчал под нос: мол, Бог шельму метит.

Стриженова явно беспокоила поясница, хотя он не проронил ни полслова жалобы. Припустив кальсоны, он обеими руками массировал заросшую густыми волосами плоть, при этом по щекам его струились слезы. Я заметил, что на руках Гаврилы и на лице одного из матросов появилась сыпь. Сердце похолодело, когда я обнаружил точно такие же пузырьки водянок на своих руках. Судя по подозрительному зуду, одинаковая участь постигла и кожу на лице. Я осторожно ошупал щеки, скулы, подбородок. Все равно что провел пальцами по саквояжу из крокодильей кожи. Проклятье! Хорошо, если это просто аллергическая реакция. А если нет? Если чужепланетная инфекция? Страшно не хотелось бы изолировать самого себя от остальных.

Моряки тем временем обнаружили похожий на гроб металлический ящик. Очевидно, его сгрузили с летающей машины перед тем, как нас вы пустили наружу. Внутри ящика, вопреки саркастическим прогнозам Северского, оказался не покойник, а лопаты. Если бы мне не сообщили заранее, что нам придется прозябать на земляных работах, то я бы решил, что это не лопаты вовсе, а весла, честное слово. Более неудобного инструмента, не считая распатора времен Киевской Руси, который хранился в университетском музее, мне видеть не приходилось.

Как ни странно, лопат на всех не хватало. Мысли мои в тот момент были заняты исключительно водянками, и я легкомысленно не придавал этому факту значения.

Чтобы не смущать друзей по несчастью болезненным видом, я решил подняться на ближайшую земляную насыпь и посмотреть, куда нас забросила судьба. Отвал был крутым и довольно высоким – в три моих роста, не меньше. Тем не менее я с легкостью поднялся на верхнюю точку. Буквально взлетел с места. Кажется, фокус был в том, что мой вес на планете ржавых песков претерпел изменения. И дело заключалось не в потере массы от недоедания (я предвидел, что эта участь постигнет нас в самом ближайшем будущем), а в изменении гравитационной константы. Впрочем, я больше разбирался в человеческой физиологии, чем в фундаментальной физике, и был способен лишь на поверхностные умозаключения. Кстати, преимущества от избытка силы в мышцах сводились на нет одышкой, а она появлялась, стоило сделать несколько резких движений. И еще этот назойливый шум в ушах... иногда мне чудилось, что это кровь кипит в сосудах. Ощущение – не дай бог!

Оказавшись на вершине насыпи, я приставил ладонь ко лбу козырьком: меня окружал чужой, незнакомый мир.

Ни тебе пения птиц, ни стрекота насекомых, ни шума листвы. Поразительно безжизненная картина. Шуршит песок; гуляет пахнувший снегом ветер. К слову, на этой широте оказалось не так уж холодно: градусов десять по Реомюру. Если бы не ветер, было бы по-весеннему тепло. Но пробирающие до души порывы заставляли меня плотнее кутаться в кителек, который я предусмотрительно надел на себя, покидая свою прокуренную каюту в ту ночь.

Солнце висело над каналом, а он был таким широким и глубоким, что мог соперничать с судоходной Невой. Огромнейшее, титаническое сооружение тянулось с севера на юг. Вдоль берега с нашей (с западной) стороны возвышался земляной вал. Стоя на гребне вала, было трудно не поддаться гипнозу глубины: казалось, тебя тянет вниз, влечет скатиться по каменистому склону, рухнуть на обнажившееся дно пузом в желтоватую грязь, которая все равно не смягчит падения. Да, канал осушили не вчера и даже не позавчера. Ветер гнал рябь по зеркалам многочисленных луж и озерц. Ветер забирал остатки влаги с собой – высоко в небеса.

Противоположный (восточный) берег был окутан розовато-сизой дымкой. В ее глубине угадывалось движение. Будто бы сотни муравьев возились на конусе муравейника. Ветер доносил нечеткий гул. Похоже, на той стороне работали тяжелые машины, наподобие наших землечерпалок, служащих для углубления дна портовых акваторий.

С севера канал был уже засыпан: с той стороны виднелся пологий скат земляной пробки. Там, по-видимому, тоже кипела работа.

Очевидно, и нам предстояло гнать волну ржаво-красного грунта дальше на юг, к виднеющимся на горизонте эстакадам умопомрачительного моста. Вот только не думаю, что пятидесяти морякам, вооруженным лопатами, такая задача по плечу. Даже если собрать весь экипаж «Кречета», всех без малого девятьсот человек вместе, то им и за год не засыпать видимую отсюда область канала.

Я услышал за спиной шорох осыпающейся земли и громкое дыхание. Обернулся и увидел, что на вал взбирается Гаврила.

– Не желаешь... ух... взять лопатку... доктор Рудин? Ух, ты... – Боцман жадно хватал ртом воздух.

Я улыбнулся:

– Ну и рожа у тебя, Гаврила!

– А не краше, чем у тебя, – парировал боцман. – Та же проказа.

– Но-но! Типун тебе на язык!

– Одну и ту же красотку поцеловать пришлось... тьфу!!! – Гаврила сплюнул. – Что видно?

Он встал рядом со мной и подпер бока жилистыми руками. Поигрывая желваками, осмотрел канал. В его животе при этом громко урчало. Правду говорят: голод – не тетка.

– Лучше бы здесь оказались черти, – сказал он и взмахнул рукой, – мы бы их святой водой – раз-два и к едрене тетке. А против машин с чем прикажешь идти? С матерными словами?

– Да, пушку бы сюда, – рассеянно ответил я. Мое внимание в тот момент привлекло пятно горчичного цвета. Я заметил его на земле, у ног Гаврилы. Похоже, это был первый образчик местной биологии, который встретился на моем пути. – Хотя бы семидесятипятимиллиметровку... – произнес я рассеянно. – Сколько их там осталось на «Кречете»?

Гаврила пристально поглядел на меня. В его взгляде проскользнуло неожиданное уважение. – Дело говоришь, господин доктор, – проворчал он. – Подкинуть бы эту идею отцам-командирам. А то они, кажись, лопатами воевать собираются.

Я опустил на колено. Ковырнул ногтем пят но: это был без сомнения живой организм, какой-то лишайник. Только он оказался настолько сухим, что, думаю, не вызвал бы слюновыделения даже у северного оленя.

– Есть можно? – быстро спросил Гаврила. Я покачал головой. Боцман с досадой пнул песок ногой. У меня самого нутро сводило от голода, но необычность и опасность ситуации, в которую мы угодили, пока не позволяла мне думать о нуждах брэнной плоти.

Мы повернулись к каналу спинами. Переглянулись, поплевали под ноги, похмыкали, обзревая открывшийся вид.

На западе лежала тоскливая пустошь. Каменистый пейзаж, написанный чужепланетным Творцом в вызывающих красных тонах, был однороден до самого горизонта. Здесь я не увидел обычных для земных пустынь песчаных барханов. Я, сколько ни утруждал глаза, не мог найти ни малейшего намека на присутствие каких-либо растений или животных (на Земле, вопреки обывательскому мнению, в пустынях живут тысячи видов млекопитающих, рептилий, птиц, насекомых). Одним словом, чужая планета. Негостеприимная и скверная, словно старуха-процентщица.

– Что думаешь, Павел Тимофеевич? – спросил Гаврила. – Что делать будем?

Я с удивлением поглядел на здоровяка-боцмана. Чувствовалось, что оба вопроса имеют «двойное дно».

– Спросил у больного про здоровье! – ответил поговоркой. – Меня не обучали ни тактике, ни стратегии.

Гаврила деловито потрянул кудлатой головой, с шумом поскреб заросшую черной щетиной шею.

– Беда в том, – проговорил он с расстановкой, – что Федор Арсеньевич слишком часто ходит в штаны... а Северский лих без меры. Я боюсь, как бы последний не погубил ребят новой сумасбродной выходкой. Ты сам видел и, наверно, понимаешь.

Боцман многозначительно замолчал. Он без слов мог понять, что творится у человека на душе. А как, позвольте спросить, без этого умения контролировать настроение многочисленной матросской братии? Ведь не одними пудовыми кулаками!

Темно-карие глаза «с огоньком» пристально следили за изменениями, происходящими на моем лице.

– Пока мы были в воздухе, я успел немного поразмыслить, – пояснил Гаврила, – не пора ли тебе, господин доктор, разделить командование отрядом вместе с нашими, прости Господи, офицерами? Человек ты толковый: грамотный и вдумчивый. Ребята тебя уважают.

Несколько резало ухо, что унтер мне «тыкает», словно пьяный адмирал в приступе панибратства. Ну да ладно... Мы сейчас не стоим на палубе «Кречета», не пьем традиционный чай и не любим дельфинами, что мчат с броненосцем наперегонки...

Предложение Гаврилы меня застало врасплох. Сия перспектива как-то в голову не приходила. И не могла прийти сама собой: в глубине души я испытывал легкость оттого, что ответственность за наши действия и наши жизни лежит на плечах двух боевых офицеров – Стриженова и Северского. Все, что мне оставалось, – следить за тем, как они стараются справиться с ситуацией и приходить на помощь, если это потребуется. Вот и все!

Бедственное положение отряда нельзя было ставить в вину офицерам. Мы вместе покинули каменное чрево пещеры. Подобно младенцам – слепым, глухим и испуганным, выбрались в чужой мир. Да, мир встретил нас холодом, болью и презрением. Да, пока мы ничего не можем противопоставить его враждебности. Но младенец когда-нибудь да поднимется на ноги. Младенец окрепнет, станет отроком, затем юношей, и придет момент, когда он сможет дать сдачи. И вот тогда придет время оценивать компетентность господ офицеров. А сейчас... да какой из меня может быть командир? Я и сам – чего греха таить? – едва не намочил портки, когда в первый раз увидел «хозяев».

Как мог, объяснил свои соображения Гавриле. Тот внимательно выслушал, покивал, поплевал под ноги, почесал подмышки.

– Ты думай пока, – посоветовал он. – Только не долго. Негоже ждать, когда рак на горе свистнет... Гляди: звезда падает!

– Где? – Я задрал голову и едва успел уловить в розовых небесах стремительный всполох. До наших ушей докатился отзвук далекого взрыва. Дрогнул насыпной холм, зашуршали камешки, скатываясь в глубь канала.

– Вот так звезда! – сказал я и присвистнул. – Крупная! А ты не боишься, что внутри отряда произойдет раскол? – вернулся к прежней теме разговора. – Если я вздумаю отдавать приказы, Северский взбеленится: Георгий – мужик хороший, но...

– Да все мы здесь – мужики хоть куда, – прервал меня Гаврила. – С Северского спесь слезет, это как пить дать. Ничего он не сможет сделать, едва поймет, что большинство из нас – за тебя.

– А что, большинство – за меня? – Я почувствовал, что в моей душе происходят изменения. QS Как будто метафорический инженер переключил внутреннюю машину на «полный вперед».

– Они будут за тебя, – пообещал Гаврила таким тоном, что я заранее пожалел несогласных.

– Гаврила, я приму решение в ближайшее время.

Боцман молча протянул мне руку. Я долгую секунду смотрел на широченную, мозолистую ладонь, затем спохватился и протянул свою руку навстречу.

– Пока ничего не обещаю, – сказал я.

Рукопожатие вышло крепким, даже чересчур: я силой обижен не был, а Гаврила – подавно. Мои кости затрещали, и я подумал: мол, вот – дают попробовать малую толику того веса, который предстоит взвалить на плечи.

На нас налетел ураганный порыв, потащил, повлек к опасному краю. Мы, как один, закрыли лица руками и затанцевали на месте, пытаясь устоять на ногах. Завывание ветра заглушил свист воздуха, рассекаемого железными крыльями.

– О, дьявол! Это кого еще принесло? – пробурчал Гаврила, провожая взглядом две летающие машины: они неслись на малой высоте над каналом. На наших глазах один из летунов неожиданно изменил курс, пошел на широкий разворот и слился с горизонтом на востоке. А затем вернулся к нам.

– Слушай, кажется, сюда летит... – заметил, хмуря брови, Гаврила.

– Ложись! – крикнул я и бросился на землю.

Мы вжались лицами в грунт, и через три секунды над нашими распластанными телами про неслось выпуклое металлическое брюхо. На какое-то время мы оглохли от надсадного воя двигателей, а песок, взвихренный воздушным потоком, скрыл и небо, и землю.

## 6

Летун приземлился туда же, куда и предыдущий – на утрамбованную площадку между земляными отвалами. Морячков разбросало по красным холмам – каждый постарался, чтобы расстояние между ним и завывающей машиной «хозяев» стало как можно большим. Даже механическому цилиндру, до последнего момента пребывавшему в забвении в центре площадки, пришлось выпустить щупальца и перебежать на ближайший склон. Там он раскрылся, превратившись в подобие металлического цветка астры, и зачастил на одной интонации: «Покориться! Покориться!..»

Тогда мы поняли, что новый летун привез кого-то из наших.

Выгрузка происходила при работающих двигателях. Среди клубов рыжей пыли замелькали человеческие силуэты. Мы до рези в глазах всматривались в беспокойную завесу, надеясь увидеть за ней белые фланелевые рубахи матросов и черные тужурки офицеров. Но проклятая круговерть старательно скрывала от нас прибывших.

Наконец летун взмыл в небо. На миг его корпус заслонил солнечный диск, ревмя заревели двигатели... и этот звук, напоминающий вопль африканского слона, еще долго гулял эхом между склонов рукотворных холмов.

Пыль улеглась. Цилиндр заткнулся.

Теперь мы могли рассмотреть, кто пожаловал к нам на летающей машине.

Отряд состоял из двух дюжин незнакомцев. Все до одного – грязные, бородатые мужчины, все – в лохмотьях. Они словно сошли со страниц учебника по древнейшей истории: троглодиты – ни дать ни взять. Мы безмолвно изучали их, а они – нас.

Глядя на эту братию, я сразу подумал о работягах... ну, о которых рассказала нам Галина. Если летающая машина «хозяев» привезла действительно сих злыдней, то ухо нужно держать востро.

Но среди прибывших оказались не только люди. Над «троглодитами» возвышались двое «червелицых» в доспехах. Богомерзкие твари были вооружены: в лапах они держали короткие алебарды с широкими пилообразными лезвиями.

Под ногами у разношерстной компании лежало несколько ящиков; позади них виднелись какие-то баулы и объемистые свертки. Никак со скарбом прибыли. И надолго.

– Здорово, православные! – выкрикнули из толпы «пещерных людей».

– Здорово, коли не шутите! – отозвался Северский.

«Червелицы» в это время взвалили себе на плечи по ящичку и отошли в сторону. Казалось, до людей им нет никакого дела.

От толпы «троглодитов» отделился классический «дикий вожак» – громила вроде нашего боцмана, только пошире в кости. Косматый, словно медведь, и, словно медведь косолапый, одноглазый, с рябой рожей, исполосованной шрамами.

– Спускайтесь, други, мы не кусаемся! – Он окинул взглядом отвалы земли. – Работы здесь, гляжу, – конь не валялся! – Вожак подцепил ногой присыпанную песком лопату. (Моряки побросали их на площадке, когда смекнули, что летун собирается приземляться.) – Спускайтесь же! Вас в два раза больше!

Со всех сторон послышался шорох скользящих по склонам ног. На какое-то время опять стало пыльно.

– Подходите! Не обращайтесь внимания на этих! – Вожак махнул рукой в сторону «червелицых»: те молча возились со своими ящиками. Что-то вынимали из них, разворачивали на земле циновки... – Я, погляжу, вы – моряки. Да еще и военные. – Он придиричиво оглядел приближающихся людей. – Давайте знакомиться, что ли. Я – Карп Дудкин...

– Лейтенант Северский Георгий Иванович, – представился наш бравый офицер. – Откуда будете, уважаемые? – С Дальнего Востока, – ответил Карп Дудкин, внимательно рассматривая Северского единственным глазом. – Ты, что ли, здесь за старшего?

Северский поморщился. Кто-кто, а он точно не станет терпеть панибратства. Мне не удалось услышать ответ офицера – слова утонули в поднявшемся шуме и гаме.

– Есть оружие? Или жратва? – спрашивали моряков незнакомые голоса. – Нет. А у вас?

– А бабы есть?

– Тоже нет.

– Зато поп есть! – Кто-то загоготал. – Теперь заживем, как на Руси! Помолясь, оно и работаете легче, и живется проще!

Отец Савватий сурово прочистил горло, но ничего не сказал в ответ.

– Считаю, что главный – я, – заявил Северский, приблизившись к Карпу.

Вожак «троглодитов» кивнул: – Хорошо. Вот что я хочу сказать, Георгий Иванович. Нужно сейчас же поставить твоих людей на работы...

Я перебил этого самоуверенного первобытного вождя, прежде чем Северский разразился бы гневной тирадой.

– Карп, как давно вы здесь?

Дудкин повернулся ко мне. Его правый глаз давно вытек и засох. Теперь вместо ока чернел провал, окантованный воспаленным веком. – Месяца три, – ответил Карп. – Что ли, по нам не видно? Я пристально поглядел этому человеку в лицо. Нет сомнений – цинга, значительная потеря массы... Да, месяца два-три на голодной диете он просидел – как пить дать. Но судебного доктора суровым голосом не проймешь. Я продолжил расспрос:

– Как вы сюда попали?

– Так же как и вы. – Вы моряки? С какого корабля?

– Мы не моряки, – ответил Карп. – Мы – рабочие, строители. Плыли на заработки в Порт-Артур. На пароходе «Енисей». – Он повернулся к Северскому: – Теряем время, барин. Если к утру наши люди не выполнят хотя бы часть работы, то завтра погибнет каждый третий.

– Что ты имеешь в виду? – поджал губы Северский.

Карп сплюнул. Нехотя пояснил:

– Мы тоже в первый день надумали заупрямиться... Прилетели они, построили нас... Потом каждого третьего – пилой по горлу, словно скотину. Освежевали, тут же сварили, а остальных заставили... жрать, в общем, это мясо. Чтоб у нас, значит, силы взялись... Погнали потом на работы... псами своими погаными затравили. Не знаю, как вам, но ни моим людям, ни мне испытывать на своей шкуре то же самое еще раз неохота.

Мы с Северским переглянулись. Артиллерист принял решение. – Гаврила! Пусть матросы разберут лопаты и... Ч-черт! Чего делать нужно? – спросил он, повернувшись к Карпу.

Тот указал пальцем на отвалы земли. – Вот это все нужно свалить в канал.

Северский выругался: он ничего не понимал. – Какой канал? На кой черт?

– Каналы... – Карп пожал плечами. – Их тут много. От нас требуется, чтоб мы их засыпали. Причем – быстро, если не хотим беды. Зачем – не спрашивай, не знаю.

Послышался голос Гаврилы:

– Ваше благородие, лопат на всех не хватит.

Мы с Северским вопросительно поглядели на Карпа.

– Вы уж привыкайте, – развел тот руками, – здесь всегда чего-то не хватает. Еды, дров, рабочего инструмента, рук, машин. Даже конвойных, – он указал на «червелицых», – тоже может не хватать. Но свободные люди без дела не останутся. Кому-то надо будет добыть топливо и еду.

Услышав о еде, я непроизвольно сглотнул. Значит, среди этих бесплодных пустошей возможно найти пропитание! Значит, нам не придется поедать друг друга, подобно диким зверям! Клянусь Богом, это была первая хорошая новость за сегодня.

– Здесь до нас работали, – продолжил Карп. – Не видите, что ли? Площадка утоптана, вон – тропинка. Только куда они делись? Не к добру это все... – Он позвал своих людей. – Макар! Олежа!

Возле Дудкина сейчас же возникли двое оборванцев. – Вверх по тропинке, – приказал он, – и возьмите с собой кого-нибудь из новеньких. Кого – выбирайте сами. Пусть обвыкаются, что ли.

– Эй-эй! Милейший! – Северский схватил Карпа за то, что осталось от его рукава. – Знай свое место и не смей командовать моими людьми! – прошипел он.

Карп отбросил руку Северского щелчком пальцев: точно от клопа избавился.

– Барин, умеешь командовать – командуй, – сказал он равнодушно. – Но на наши харчи рта не разевай. У меня слишком мало людей, чтобы они кормили голодную матросскую ораву. Сами ищите топливо, воду и пропитание. Своих запасов с вами делить не станем. А вздумаете отнять, мигом перца в жопы натолкаем. И не глядите, что нас меньше! – прибавил он, насупив клочковатые брови.

– Георгий! Карп! – Мне пришлось встрять между двух огней. – Прекратите собачиться! Эти люди, – обратился я к Северскому, – думается мне, знают, по каким правилам здесь идет игра. Было бы разумным прислушаться к их советам!

– Советовать – пусть советуют! Но нечего нос задирать, – проговорил, сверкая глазами, Северский. – В другое время живо бы они у меня линьков отведали! Советчики голодраны!

– Эх, твое благородие! – Карп презрительно сплюнул. – Не били тебя еще железными палками. Не резали на глазах товарищей твоих! – «Троглодит» неожиданно обратился ко мне: – Нам ведь никто ничего не рассказывал и не показывал. Нас школили, как псов охотничьих. Сделал неверно: избили, затравили «ползунами» или просто-напросто глотку разорвали. Это вам, новеньким, – блажь. Вашу команду соединяют с бывалой. И мы уже рассказываем и показываем, как и что делать требуется. С нами было все по-другому.

– А может, ты с этими гадами вась-вась? – разбушевался Северский. – Чего это ты гонишь нас землю кидать? Вот этих двух, – он ткнул пальцем в «червелицых», флегматично копающихся в своих ящиках, – мы могли бы порвать на клочки голыми руками. И жестянку, – артиллерист указал на цилиндр, который все еще стоял в раскрытом состоянии, – утопили бы в канале!

– Пожалей хоть моряков, если себя не жал ко! – ответил Карп, повышая голос. Замотал головой, вылавливая взглядом своих людей. – Макар! Уже выбрал, кто идет с вами? Где Олежа?

– Карп! Стой, Карп! – Я взял готового уйти вожака за плечо и развернул лицом к себе. – Тебе известно, где мы очутились? К кому мы попали в руки? Что это за твари, которым под силу похищать огромные корабли?

– Я почти ничего не знаю, – отмахнулся Карп. – Мне кажется, их очень мало. Мне кажется, они не успевают следить за всем, что происходит на их землях. Поэтому они всегда жестоко расправляются с непокорными. Они знают несколько слов по-русски, но никогда не учили нас своему языку и даже не пробовали говорить с нами так, как мы говорим друг с другом. Им плевать, хотим ли мы есть или пить. Им плевать, суббота или воскресенье. Им плевать, живы мы или мертвы. Если мы падем, как загнанные лошади, то они призовут новых людей. От нас им нужно только одно – чтобы мы засыпали эти окаянные каналы! Пока работаем – мы живем!

Мы с Северским оторопело глядели на чумазого здоровяка, а тот распался все больше и больше:

– Они разные на морды, но шайка – одна. Вот эти, – он харкнул в сторону «червелицых», – еще ничего. Они просто присматривают, чтобы мы не разбежались. Да если и разбежимся, – невелика удача. В пустыне есть нечего. Еду можно найти только возле открытых каналов. Лохмачи – они страшнее. Бойтесь их! Они могут убить просто так. Или, еще хуже, – покалечить человека ради интереса. А ползуны... их все за животных принимают. Но на самом деле они не животные. Они разговаривают друг с другом!

7

Макар оказался коренастым рыжеволосым мужиком. Толстогубый и плосконосый, он сильно картавил и вообще изъяснялся крайне неразборчиво. Ходил Макар, как гусак – переваливаясь с боку на бок и оставляя за собой шлейф из малоприятных запахов. Олежка же был прытким пареньком с длинным-предлинным носом, украшенным выпуклой родинкой. Он постоянно почесывал низ живота и почему-то обращался ко мне «дядя Павел», хотя сам был младше «дяди Павла» не больше чем на десять лет. Я не знаю, почему Карп назначил следопытами именно эту парочку. На мой взгляд, они довольно долго и бестолково водили нас узкими дорожками между отвалами земли.

Двигались мы на север, невидимый за основным валом канал всегда оставался от нас по правую руку. По крайней мере, мне так казалось. Бесконечное рысканье по одинаковым пыльным тропинкам, что петляли между похожими друг на друга, словно близнецы, бурными кручами, заставляло меня по-иному посмотреть на смысл поговорки: «Заблудиться в трех соснах».

Пойти вместе с людьми Карпа я вызвался сам. Компанию мне составил гальванер Лаптев. Очень хотелось изучить окрестности (получение новых сведений о мире и их систематизация отвлекали от печальных мыслей), кроме того, любопытно было узнать, каким образом добывают пищу среди этих холмов.

В конце концов мы с Лаптевым начали тревожиться: не вышлют ли «хозяева» за нами погоню?

– Не, дядя Павел, – ответил на мой вопрос Олежка. – Погляди!

Я сощурил глаза и посмотрел в указанную сторону. На гребне вала в тени, падающей от крупного обломка скалы, просматривались уже знакомые округлые очертания цилиндра.

– Их обычно много над каналом, – пояснил парень, – мы всегда у них под приглядом.

– А если мы прямо сейчас свернем в пустыню? – спросил я. – Что тогда случится?

Олежка пожал плечами:

– А может, и ничего, дядя Павел. По-разному бывало...

Беда в том, что для этих людей, как и для нас, многое оставалось тайной за семью печатями. Они ухитрились прожить среди песчаных пустошей не один месяц, тем не менее ответы на главные вопросы так и не нашли. От Макара и Олежки я узнал, что на севере наряду с рабами (как это ни прискорбно, но все люди здесь – рабы) используются машины. Но техники недостает, причем недостает катастрофически, поэтому работы в основном ведутся вручную.

Куда же так сильно торопятся наши чудовищные «хозяева»? В их спешке чувствовалось какое-то глухое отчаяние. Людей такая горячка ни к чему хорошему не приводит. Выходит, что и «хозяева» сейчас дают маху...

Спрашивается: не проще было бы последовательно использовать машины, чем вести работы одновременно во всех направлениях при помощи полчищ голодных рабов, от которых толку – как с козла молока?

Да и зачем нужно рушить грандиозную ирригационную систему, созданную когда-то ценой таких же, надо думать, невероятных усилий?

Испытал я и некоторое потрясение, когда узнал, что рабы здесь – не только люди. И даже в основном – не люди. По словам Олежки, нам только предстоит увидеть удивительный зверинец: сотни разнообразных, причудливых жизненных форм, у которых есть лишь одна общая черта – все они дышат воздухом.

Черт возьми! Сколько еще предстоит вместить в себя нашим несчастным головам! Старший офицер «Кречета» – Федор Стриженов – находился на грани потери рассудка. Его постоянно трясло, движения утратили точность, а речь – осмысленность. Я распорядился сделать ему лежанку. Матросы поместили ее среди прогретых солнцем валунов, в закутке, куда не про-

никало дыхание ледяного ветра. Помощника капитана уложили спать; моему решению он не воспротивился. Но я бы чувствовал себя покойнее, если бы перед уходом накормил Стриженова «лошадиной» дозой снотворного.

Скольким из нас придется разделить эту неприглядную участь?

...Но вот следопыты отыскиали то, ради чего мы ушли из лагеря в такую даль. В земляном валу, прилегающем к каналу, была брешь: пыльная, узкая расщелина, грозящая скорым обвалом.

– Тудой! Тудой! – выпалил Макар и первым рванулся в опасный проход.

За товарищем последовал Олежка. Нам с Лаптевым ничего не осталось, кроме как поспешить вдогонку.

Преодолев расщелину, в которой безраздельно правил слепящий пылью сквозняк, мы очутились перед пологим спуском в канал. Из песчаного склона выступали скальные языки, которые оказались вполне удобными ступенями естественного происхождения. Я присмотрелся к породе и сделал для себя очередное открытие: это был известняк! На сколе «ступени» можно было рассмотреть даже оттиски древних моллюсков с раковинами в форме равностороннего треугольника.

Удивительный, полный загадок мир! В другой ситуации я бы отдал все, чтобы побывать здесь в качестве исследователя-первопроходца. Этот мир сделал бы меня более известным, чем Австралия – Джеймса Кука или Африка – Джонатана Ливингстона!

В древности эти пустоши были дном океана – кто бы мог в такое поверить? И ветер когда-то ревел не над долинами ржавых песков, а над богатыми жизнью водами...

Мы с превеликой осторожностью начали спуск.

– Со-ёся и будешь куковать, пока не умггтёшь! – предупредил Макар загодя.

Над нами росла стена вала. Восточный берег, напротив, опал и превратился в сиреневую полосу, которая едва-едва поднималась над линией горизонта. В лоне этого грандиозного сооружения я чувствовал себя мурашом, рискнувшим спуститься в сточную канаву.

В середине пути мы ощутили, что ветер уже не в силах развеять поднимающийся с обмелевшего дна тяжелый запах ила и стоячей воды. В какой-то момент я испытал сомнения: что съестного можно добыть в эдакой помойке? Однако даже отвращение не могло свести на нет голодные спазмы, терзающие мой эпигастрий. Я упрямо продолжал спуск.

Дно канала покрывала бурая жижа. Кое-где поверх нее сверкали яркие заплатки не успевших высохнуть луж. Жижа пузырилась, время от времени на поверхность вырывались газы, производя при этом звук, который в светском обществе сочли бы неприличным.

Я заметил, что над лужами дрожит воздух. Присмотревшись, понял, что это кружат над водой тысячи мельчайших насекомых. Неужели все живое на планете привязано к каналам? К сооружениям, которые мы вынуждены разрушать, исполняя волю неведомых «хозяев»?

Над моим ухом с обыденным жужжанием пронеслось крупное насекомое. Я успел заметить, как сверкают на солнце радужные крылья, которых было не две и даже не три пары. Пока я провожал эту многокрылую стрекозу восторженным взором, Макар и Олежка подступили к самой жиже.

– Дядя Павел! – обратился ко мне паренек, засучивая рукава. – Что вы больше всего любите покушать?

– Отбивную из куриного филе с грибами, – машинально ответил я (мои мысли были еще заняты насекомыми загадочной планеты), – уху из осетрины...

Гальванер Лаптев шумно сглотнул.

– Сейчас будет вам осетрина! – пообещал Олежка и сунул обе руки по локти в жижу.

Макар достал из кармана обрывок рыбацкой сети с мелкими ячейками, разложил ее на нижней известняковой ступени. Затем, прекрестившись, погрузил обе руки в грязь.

Мы с Лаптевым встали у них за спинами. Нам было без меры любопытно: чем все закончится? В грязи копошились толстые серые черви, похожие на знак параграфа. Неужели они и есть – наша будущая трапеза? «Не страшны черви, которых мы едим, страшны те, которые едят нас», – говаривала мне бабушка всякий раз, когда я раскусывал яблоко и находил в нем досадную червоточину.

– Вот тебе осетринка! – объявил Олежка. Грязь выпустила его правую руку, издав при этом страстное «чвак!».

Я с опаской поглядел на улов. Парень, улыбаясь, показывал мне облепленный жирным илом шар. Заметив мое недоумение, он засуетился:

– Ща, дядя Павел! Ща он станет красивым!

Олежка быстро вытер шар рукавом своей и без того не сильно-то чистой фуфайки. Повертел в ладонях, подышал, словно на стекло. Теперь я видел, что у него в руках – кокон, облаченный в упругую мембрану. Сквозь мембрану просвечивались синие сосуды.

Парень вынул из-за пояса заточку и сделал аккуратный надрез на круглом боку кокона. Брызнули прозрачные капли. Олежка запрокинул голову и без тени безгливости выдавил жидкость себе в рот.

– Чистая вода! – Он крикнул и с шумом вытер губы тыльной стороной ладони. – Как из колодца в деревне.

Далее он содрал с обмякшего кокона мембрану. Моему взгляду открылось хрупкое существо, одновременно походящее на рыбу и на земноводное. Плоская лягушачья голова с двумя парами закрытых бельмами глаз, простейшие наружные жабры, пара перепончатых лап, чешуйчатая спинка, хвост, закрученный спиралью, словно у козерога.

– А вот эту зверюгу уже можно есть... – пояснил Олежка. – Только на углях надобно потомить подольше, не то отравиться немудрено.

– На жабу похоже, – вынес вердикт Лаптев.

– Французы едят лягушек, – сказал я, трогая создание пальцем. Оно было покрыто слизью и казалось таким холодным, точно его вынули из рефрижератора.

– А я что – возражаю? – Лаптев пожал плечами. – Чем мы хуже французов?

– Когда канал мелеет, – продолжил Олежка, – они зарываются в ил и выращивают вокруг себя мешочек. Мешочек наполняется чистой водой. Так они лежат и ждут, куда русло не наполнится...

– Никогда! – сказал я, ощущая, как во мне закипает негодование. «Хозяева» рано или поздно погубят жизнь на планете. Уничтожат и без того скудную флору и фауну! Не дождутся влаги похороненные под толстым слоем песка лягушки-козероги, исчезнут многокрылые стрекозы, а с ними – черви-параграфы и еще бог знает сколько живых тварей. Возможно ли представить более дерзкое и более страшное преступление? И печальнее всего, что орудием этого преступления станут наши руки.

Олежка бросил полу-жабу в ближайшую лужу.

– Зачем? – удивился Лаптев. – Эх, ты...

– Оно скоро очухается, – ответил парень. – А когда очухается, сразу начнет кусаться. Нужно набрать мешочков, сколько сможем. Откупоривать их будем у костра, чтоб так: вынули и тотчас на угли.

Послышался шелест стекающих по склону камней, защекотала ноздри пыль. Мы обернулись и увидели, что на гребне вала танцует, пытаясь удержаться и не упасть в канал, цилиндр – механизм «хозяев». Частили гибкие щупальца, взметалась фонтанами земля. Казалось, еще миг – и наш соглядатай сорвется вниз.

– Любопытство кошку погубило, – изрек Лаптев.

Каким-то чудом цилиндру удалось выровняться. Но только на секунду. Теперь его тащило к противоположному склону. Взлетели вверх щупальца, раздался металлический скрежет... Цилиндр исчез с гребня вала.

– Ну и чёггт с ним! – бросил Макар, не вынимая рук из жижи.

Олежка стянул с ног валенки, закатал до бедер штанины.

– Дядя Павел! Кирилл Степаныч! – обратился он к нам с Лаптевым. – Ну, вы поняли, что нужно делать?

У меня похолодело внутри, но я сдержался и не сказал ни слова. Снял с себя китель, нехотя засучил рукава рубахи.

– А может, мы того... просто посмотрим? – попросил гальванер.

– Насмотгггишься, када все вечерять станут, – пригрозил ему Макар.

Лаптев в сердцах плюнул, выругался на чем свет стоит. Подтянул рукава, показав узловатые, сплошь покрытые татуировками запястья. Олежка же с завидным бесстрашием шагнул в жижу. Пошел вперед, словно цапля по болоту, задирая колени к самому подбородку.

Я присел рядом с Макаром, сунул руки в бурую грязь. Холодная шевелящаяся жижа облепила кожу. Я почувствовал, как в ладони слепо тычутся толстые, словно датские сосиски, черви-параграфы. К счастью, им я показался не более аппетитным, чем они мне.

Через пару минут я уже мог похвастаться уловом.

## 8

Мы закончили добычу коконов на закате. Измазанные липкой грязью с ног до головы, озябшие до синих губ, мы присели на нагретую за день солнцем известняковую ступень, закурили папиросы Лаптева. На расстеленной Макаром сети возвышалась солидная куча кожистых мешочков.

– Сорок один, – сообщил, закончив пересчет, Лаптев.

– Маловато, – отозвался я. Сколько мяса выйдет с одной тщедушной тушки? Очевидно, многим из нас придется спать на пустое брюхо.

– Ноггмально, – сказал, выдыхая дым, Макар.

– Ага, – согласился с ним Олежка, – там – ближе к середине русла – их побольше будет. Тока я один туда не полезу...

Докурили в молчании. Макар и Олежка затыгивались не торопясь, вдумчиво, при этом они жмурились, словно объевшиеся сметаной коты. Я же понял, что самые дрянные папиросы здесь – драгоценность, что скоро и мне, и моим друзьям по несчастью придется бросить эту привычку... так как курить будет попросту нечего.

От жажды губы мои потрескались, а глотка онемела. Табачный дым скользил в легкие и вырывался обратно, словно по старинному, закопченному дымоходу. Проколоть какой-нибудь кокон, как в два голоса советовали сделать Макар и Олежка, и выпить наполняющую его воду я отказался.

– Пошли, что ли... – предложил Лаптев. Окурок – столь крохотный, что гальванеру приходилось сжимать его ногтями, – погас.

Пошли. Только прежде завязали сеть в узел. Получился довольно объемистый и тяжелый сверток, и его пришлось нести вдвоем.

Оказавшись по другую сторону вала, мы стали свидетелями еще одной чудной сцены.

Очевидно, это был тот цилиндр, который мы видели на земляном гребне. Удержавшись от падения в канал, он все-таки рухнул по другую сторону вала. От удара об камни его корпус лопнул, обнажилась механическая внутренность устройства. Теперь цилиндр лежал на боку среди валунов, а тонкие и подвижные, словно вылитые из ртути, щупальца бессмысленно перебирали в воздухе. Периодически в глубине механической утробы рождался резонирующий звук, поразительно похожий на человеческий стон.

Возле поврежденной машины «хозяев» стоял второй цилиндр. Его щупальца копошились внутри металлического сородича. Скорости, с которой эти псевдоконечности совершали манипуляции, позавидовал бы любой хирург – говорю без обиняков.

...В лагере нас встретили неоднозначно. Люди Карпа принялись похлопывать себя по животам и потирать руки от предвкушения. Моряки с «Кречета»... гм... мои люди недоумевали: мол, где обещанная еда и на кой черт они весь день вкалывали, если кормить их, похоже, никто не собирается?

Наш лагерь стал походить на походный бивуак. «Дикари» привезли с собой рулон парусины, из нее они соорудили некое подобие большой палатки. Поскольку под тентом все желаемые, так или иначе, поместиться не смогли бы, рядом вырыли узкую, похожую на братскую могилу землянку. Накрыли ее сверху чем ни попадя: какими-то ящиками, кусками брезента (я уже смекнул, что в нашей ситуации любой хлам с Земли – на вес золота), присыпали песком.

– Паскудное местечко. Паскудней захочешь сыскать – и не найдешь, – поделился со мной впечатлениями одноглазый Карп, угощая водой из фляги. Я с жадностью припал к потертому горлышку. Вода показалась мне малость несвежей, но пить ее было куда приемлемей, чем выдаивать в рот тонкую струйку из проколотого кокона (позднее я убедился, что и здесь ошибался, как последний осел).

– Ни деревьев тебе, ни кустов, – продолжил Карп. – Еле-еле насобирали сухих мхов и сору на один костер. Чем завтра будем греться – ума не приложу.

... А морячки-то потрудились на славу. В сумерках я поднялся на вал и увидел, что в тело канала раковой клешней врезалась свежая песчаная насыпь. И как им удалось проделать такую работу за один день?

– Кидать землю-то нетрудно, – рассказал мне Гаврила, – грунт легкий, как тополиный пух; лопаты словно из алюминия сделаны. Вот только одышка проклятая! Душит, точно астма. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Да, вы молодчаги, – сказал я. С нашей стороны в канал пока не спустишься... Но через день или скорее через два отпадет надобность ходить за коконами далеко.

– А как Северский? – поинтересовался я. – Весь день метал в «жестянку» камешки. – Гаврила мотнул головой в сторону цилиндра «хозяев».

– Артиллерист! – пошутил я. – Обошлось без потерь?

– Без потерь с той и с другой стороны, – подтвердил Гаврила.

– Давай я погляжу на твою сыпь... не зудит?

– Нет.

Сыпь на лице Гаврилы была почти незаметна. Это хорошо: значит, и у меня она скоро пройдет.

Какое-то время мы постояли на гребне вала, выкурили по папиросе. Нам хотелось увидеть, какие звезды зажгутся на ночном небе этого мира. Как назло, со стороны западной пустоши напоззли седые тучи. Сразу стало темно, хлопьями повалил мокрый снег.

Разочарованные и замерзшие, мы вернулись в палатку.

Под тентом уже горел костерок, и было там донельзя тесно. Люди жались к бездымному огоньку, тянули к потрескивающим углям грязные, натруженные руки. Длинноволосый старик по имени Иннокентий разложил перед собой все топливо, которое удалось собрать, – охряные пластины сухого мха и бесформенные комки заскорузлого мусора. Их он подбрасывал в огонь с великой экономностью. Мне даже показалось, что в действиях Иннокентия прослеживается какой-то ритуал. Перед тем как отправить в костер очередной кусок мха, старик, бормоча под нос, тщательно осматривал ломкую пластину со всех сторон, иногда не стесняясь и обнюхать.

Постепенно парусиновая палатка наполнялась теплом.

Отец Савватий в дальнем углу нашего утлого убежища вел беседу с двумя «троглодитами» Карпа. На моих глазах он благословил обоих лохмотников, а те по очереди смиренно припали губами к его руке. Ни дать ни взять – миссионер среди аборигенов Австралии.

Стриженев и Северский сидели бок о бок, помощник капитана что-то увлеченно рассказывал артиллеристу на ухо, теребя при этом пуговицу на рукаве собеседника. Лицо Северского было каменным: глаза сжались в узкие щелки, желваки на скулах нервно напряглись.

Олежка извлекал из коконов лягушек-козерогов. Воду он сливал в емкости, которые оклазались под рукой. В том числе и во флягу Карпа. Я с трудом подавил приступ тошноты, когда понял, какую водицу мне довелось пить накануне.

Ну, чему быть, того не миновать...

Макар же потрошил бесчувственных земноводных и сразу насаживал их на обструганные деревянные колышки, точно на шампуры. Внутренности, не глядя, бросал под ноги. Вскоре на углях зашипела наша нехитрая добыча. От жара кожа лягушек-козерогов сначала пошла пузырями, а затем полопалась и стала сползать с тушек неаппетитными лохмотьями. Палатка наполнилась вонью горелого жира. Матросы принялись материться: есть такую дрянь никому не хотелось.

– А вас и не понуждают! – огрызнулся Карп. – Утром лохмачи доставят парной человечинки: лопайте, хоть полопайтесь! Ха-ха!!

Моряки принялись «скрести по сусекам»: у одного в кармане сыскался сухарь, у второго – кусочек сахара, у третьего – пяток головок чеснока. На последнего недобро покосился Гаврила. Боцман знал: те, кто ворует водку из ахтерлюка, всегда таскают с собой чеснок, дабы было чем зажевать перегар. Посмотрел-посмотрел на матроса, но смолчал.

Было яснее ясного, что этих крох никак не хватит для оголодавшей когорты. А вот «троглодиты» восприняли появление чеснока с диким восторгом! Все-таки какая-никакая, но приправа! И огородом пахнет!

У «дикарей», к слову, имелся собственный запас провизии. В угли были брошены несколько пригоршней фиолетовых и белых кругляшей. На мой вопрос относительно «гарнира» Олежка ответил, что «фиолетовое» – это пьяная ягода, а «белое» – грибы-тошнотики. Грибы парнишка посоветовал брать в рот лишь в том случае, если чувство голода окончательно возьмет верх над рассудком.

Всю снедь необходимо было длительное время томить на углях. Скорее всего, в ней содержались токсины, которые распадались при термической обработке (на следующее утро мне пришлось выяснить, что распадались они лишь отчасти). Поэтому лягушек-козерогов готовили так долго, что их маленькие тушки обуглились до потери первоначального вида.

Затем началась безумная вечеря. Мне, как одному из добытчиков, досталась целая тушка и пара пьяных ягод. Кому-то не досталось вообще ничего. То есть вышло так, как я и предполагал. Оставшихся без ужина попробовали утешить тем, что завтра они получают пайку в первую очередь. Недовольные утешаться не желали. Потасовка была готова вспыхнуть с секунды на секунду, но ситуация разрядилась, когда Северский и Гаврила отказались от своих порций в пользу обделенных.

Что можно сказать о лягушке-козероге в приготовленном виде? Когда мне удалось считать обугленный слой, моим глазам открылся хлипкий скелетик. Обглаживать косточки оказалось пустым занятием (люди Карпа, к слову, ели запеченных земноводных вместе с костями, оглашая палатку плотоядным хрустом), немного белого мяса нашлось в голове, немного больше – в лапах и еще чуть больше – в свернутом спиралью хвосте. На вкус это мясо отдавало болотной тиной, и вообще складывалось впечатление, что я ем крупного, скверно приготовленного рака.

Матросы пробовали новое блюдо с настороженностью. Такие же скорбные мины мне доводилось видеть разве что в девятибалльный шторм, когда на столе дымился котел – с пылу с жару, – а есть ни у кого не было мочи. Моряки, привыкшие к свежим щам со сметаной, к кашам со сливочным маслом и к дневным чаепитиям, теперь ругались, сплевывали, морщились... Но все равно грызли обугленные тушки. Их обрастающие щетиной лица были перепачканы сажей и жирным соком.

Жуйте, голубчики, жуйте... Нужно ведь каким-то образом восполнять силы. Наши «хозяйева» заботятся о том, чтобы полчища рабов не потеряли дееспособности. Утром они доставят сюда завтрак, приготовленный из слабых или больных невольников. Если «хозяйева» узрят, что рабы роняют лопаты от недоедания, то несчастные будут накормлены насильно.

Я отдал пьяные ягоды Гавриле. Тот молча сунул в рот два почерневших шарика, разжевал, скривился, как среда на пятницу, затем откинулся на спину... и провел в такой позе всю ночь, не размыкая глаз и не реагируя на мои попытки привести его в чувство.

Кто-то выбрался из палатки, в которой давно стало не продохнуть, на воздух. Вспыхнули в темноте огоньки папирос. Я оставил пускающего слюни боцмана в покое и поспешил на поиски курева.

Снаружи было холодно и сыро. Снег прекратился, а то, что успело насыпать, растаяло. Звезды по-прежнему прятались за тучами; завывал ветер, штурмующий земляные насыпи со стороны западной пустоши.

Люди курили, разглядывая своих конвоиров: «червелицы» даже не позаботились о том, чтобы соорудить себе укрытие. Они сидели на циновках друг напротив друга, и ледяной ветер, видимо, не причинял им ни капли неудобства. Между великанами стояла раскрытая коробка, похожая на стерилизатор. В коробке по ячейкам была разложена светящаяся малиновым светом желеобразная субстанция. «Червелицы» по очереди прикасались к холодным огонькам узловатыми, похожими на сухие ветви пальцами и затем втирали это вещество в лицевые отростки. Черт их знает, что это было: вечерняя трапеза или молитвенный намаз... В ответ на соприкосновение с малиновой субстанцией их головы начинали светиться изнутри, становясь как бы прозрачными и являя нам переплетение огненных вен и капилляров.

– Вот уроды... – шептались матросы между затылками. Похоже, панический страх перед неведомыми «хозяевами» сменился боязливым любопытством. По крайней мере – перед «червелицами». О «шубах» мы старались не вспоминать, словно они могут материализоваться из ночной тьмы, едва о них заговоришь вслух.

– А как они спать будут? Что, прямо на земле? – спросил незнакомый мне матрос.

– Да они вообще не спят, – ответил ему кто-то из людей Карпа.

– Никогда? – не поверил матрос.

– Никогда.

– Прямо как слоны! – В толпе попытались рассмеяться.

– А я сдуру считал слонов страшными, – сказал Тарас Шимченко, – а оно вот как может обернуться...

Вернувшись под тент, я увидел, что перед Стриженовым стоят во фронт восемь матросов. Помощник капитана, сверкая глазами, отдавал им распоряжения относительно ночной боевой вылазки.

– ...не жалея живота своего! Разведка завершена, диспозиция неприятеля – как на ладони! С молитвой на устах бейте врагов земли Русской! А как доберетесь до Одессы, оттуда езжайте перекладными до Петербурга. Упадете в ноги Его Императорскому Величеству и...

Я выпросил у Карпа еще две пьяные ягоды и скормил их Стриженову. Потерявшего способность двигаться офицера уложил рядом с Гаврилой. Там было хорошее, теплое место возле костра.

Собрался ночевать в землянке, но меня отговорили. Причем постарались и моряки, и «дикари». Я с благодарностью остался в палатке: как говорится – в тесноте, да не в обиде. В землянку удалился мрачный и голодный Северский, прихватив с собою десять матросов.

Не могу сказать, что в первую ночь на чужой планете я спал крепко. Да – не просыпался. Да – не ворочался с боку на бок. Но даже сквозь сон я не переставал ощущать безысходность положения, в котором мы очутились. А съеденная на ужин лягушка-козерог мстила мне, причиняя острые рези в кишках.

## 9

Летун с проверкой опустился на площадку после того, как мы пропели последнюю строку «Отче наш». Под бледно-розовым небом прогремело традиционное:

– Покориться!

А мы и не думали сопротивляться. Собрались толпой перед палаткой. Из-за ближайшей насыпи, икая и шатаясь, подтянулись те, кто накануне соблазнился аппетитным запахом грибов-тошнотиков. Для остальных новый день тоже был не в радость. Мы чувствовали себя так, словно очнулись после суровой попойки.

Все-таки местная биология по отношению к человеку настроена исключительно враждебно. Сколько ни прокаливай на углях снедь, токсины сполна не нейтрализуешь.

Из летуна сошли две «шубы». При виде косматых фигур мы непроизвольно начали пятиться. Шаг за шагом, опустив взор, подальше от смердящих гадов. К ввергающим в дрожь флюидам чужепланетников привыкнуть было просто невозможно. Некоторые матросы даже не смогли устоять на ногах: встав на четвереньки, они поползли под тент, при этом стена и охая, словно их кто-то резал по живому.

Пока «червелицы» выгружали из летуна лохани с водой и страшным завтраком, «шубы» взошли на вал и оглядели результаты нашей работы. После они молча вернулись в летающую машину и убралась восвояси.

Вода в лохани оказалась такой же мерзкой на вкус, как и жидкость из коконов. Ничем не лучше и не хуже. Гаврила, сверкая красными и злыми глазами, дольше всех тянул жижу из жестяной посуды.

Люди Карпа, недолго думая, вырыли яму и вылили в нее бульон из человечины. Мне показалось, что к этой процедуре они привыкли: настолько быстро и без лишних слов они справились с неприятной задачей.

Ни у кого из нас и мысли не возникло, чтобы отведать чудовищного варева.

Ко мне подбежал Северский. По его физиономии я сразу догадался, что произошло нечто чрезвычайное. Сердце екнуло: неужели Стриженову стало совсем худо?

– Суки! – Северский заскрежетал зубами. – Суки, передущу голыми руками!..

– Что с вами стряслось, Георгий? – спросил я, теряясь в догадках.

– Украли! Портсигар утащили! Портсигар-то что – тьфу! – Он харкнул мне под ноги. – А вот папиросы!.. Где я достану здесь папиросы?!

Я не удержался и захохотал. Конечно, отдавая себе отчет в том, что поступаю некрасиво, но... Серебряный портсигар, подарок командующего Балтийским флотом, до *той* ночи был предметом особой гордости артиллериста. А теперь, видите ли, тьфу! Папирос ему жалко!

Северский, однако, шутить настроен не был. Он схватил меня за китель и встряхнул так, что я едва не откусил себе язык.

– А чего это ты зубы скалишь, господин Пилюля?! – взревел он. – Все тебе веселье?! Дружков завел среди холопов? Среди отродья голозадного? Забыл, кто здесь в офицерах?

Я встряхнул его руки. Он попытался схватить меня снова, но получил крепкий тычок в грудь.

– Уймись, Георгий! – потребовал я суровым голосом. – Не то и вам пропишу успокоительное...

– С чего это ты взял, что имеешь право кому-то что-то там прописывать?! – продолжал негодовать Северский. – Угрожать мне вздумал!!! Ума шибко много накопилось, да? Сильно разумный?!

Было смешно слышать это исконно русское ругательство («сильно разумный») из уст блестящего строевого офицера. Но какой уж теперь смех... Я отмахнулся от надутого собственной

важностью артиллериста и пошел за лопатой: выковыривать из жижи коконы мне больше не хотелось, уж лучше поработаю с остальными на валу. Северский что-то пробурчал мне вслед, а затем понесся муштровать матросов.

На гребне вала я увидел рослую фигуру боцмана.

– Гаврила, – обратился к нему, страдая после подъема одышкой, – гляди в оба за ребятами.

Тот кивнул, принимая мою просьбу.

– У каждого второго из людей Карпа – заточка. Не дай бог, из-за какой-нибудь ерунды поножовщина случится! – предупредил я его.

– Сам знаю, не маленький... – ворчливо отозвался боцман.

Лопата была донельзя неудобной. Если бы не сила, которая на этой планете заставляла мышцы сокращаться с неустанностью поршней в паровом двигателе, то дело бы не сдвинулось с мертвой точки. За час работы я натер на ладонях мозоли. Еще через час мозоли лопнули. На душе стало так же пасмурно и пыльно, как и в здешних небесах.

...В этот день Северский обнаружил стоянку людей, работавших здесь до нас. Артиллерист с презрением отверг предложение Карпа потрудиться на валу. Когда речь зашла о том, кто полезет сегодня за коконами в грязь, Северский, прокляв всех и вся, удалился бродить среди отвалов земли в гордом одиночестве. Таким образом, он и сделал свое открытие.

Наши предшественники вырыли пещеру в одном из рукотворных холмов. В какой-то несчастливый день мягкий песчаник обрушился, похоронив их всех заживо. Бедняги погибли страшной смертью. Мы пытались раскопать завал, но все было тщетно: стены и свод постоянно осыпались, и закрепить их каким-либо образом оказалось решительно невозможно. В конце концов из-под завала удалось извлечь три очоченевших тела.

– Бабы!.. – вздохнули матросы, когда стало ясно, кого сцапала старуха с косой. Мы стояли понуриив головы, у наших ног лежали три покойницы, и ветер перебирал грязные кружева их небогатых платьев. Длинные волосы закрывали искаженные агонией лица.

Вот, значит, что случилось с отрядом Галины. От судьбы не убежишь.

Лучше б ты, ясноглазая, вышла замуж за старого!..

После того как отец Савватий совершил обряд, мы похоронили женщин на границе пустоши. Цилиндр «хозяев» последовал за нами: очевидно, он решил, что его поднадзорные вознамерились всей гурьбой бежать в пустыню. Но «жестянка» ошиблась: мы вернулись в лагерь.

А вечером пришло время для жареных лягушек-козерогов и новых зловключений. Северский был настроен весьма решительно: не успели мы рассесться возле костра, как он потребовал внимания.

– Эта пустошь не может тянуться бесконечно, – заявил он, – нужно бежать, пока мы вкрай не обессилели от голода.

– Как ты... уж простите великодушно – вы... Как вы намерены это сделать? – осведомился одноглазый Карп.

Северский махнул рукой. Для него все было само собой разумеющимся.

– Убежден, что в наших силах одолеть двух полусонных увальней и одну «жестянку» на тонких ножках. Затем уйдем в пустыню. С собой захватим столько воды и провизии, сколько сможем унести. Или вы не русские? – спросил он, вперив колючий взгляд в Карпа. – Или вы, собаки, совсем обасурманились?!

– Ты, барин, тише ругайся грубыми словами! – проговорил Карп сквозь зубы. – Натурально думаешь, что пустыню можно пересечь, что ли?

– Я ведь все сказал, холоп ты бестолковый, – пески не могут тянуться бесконечно...

Перепалка набирала обороты. Я представил себе Северского, как он в роли Моисея ведет нас через нескончаемую пустыню. Тянутся безжизненные пески – верста за верстой, верста за верстой; ни травинки, ни живой души. И манна не сыплется нам с чужих небес..

– А если здесь нет ни рек, ни озер, ни морей? – Карп поглядел на Северского сверху вниз. – Ты, барин, можешь себе такое представить? Пустыня без конца и края! Весь мир – одна великая промозглая пустыня!

– Бежать нам нужно непременно, – встрял в разговор Гаврила. – Только сделать это требуется с умом. А что ты, доктор, думаешь? – толкнул он меня в бок.

– Что он может думать? – Северский скривил аристократическое лицо. – Без микстур и шприцев он беспомощен, как скопец на брачном ложе.

Я не скажу, что слова артиллериста «ранили в самое сердце», но мне очень не понравилось услышанное. Как он смеет оскорблять в присутствии такого числа людей? Я было открыл рот, собираясь поставить зарвавшегося артиллериста на место, но за меня неожиданно вступились все.

– Доктор хотя бы не бьет баклуши, – заметил Карп.

– Да! Доктор готов помочь любому, о чем ни попроси, – поддержал одноглазого вожака один из его оборванцев.

– Наш доктор – хороший человек! – заговорили матросы разом. – Уважает нашего брата. Пусть скажет доктор! Доктор, говорите, не стесняйтесь!

Я прочистил горло. Конкретного плана действий не было, но кое-какие мыслишки имелись.

– А если двинуть вдоль русла канала, но с внутренней стороны вала? Мы уже видели, что цилиндры не могут передвигаться по столь крутому склону.

– Ну и куда таким образом доберемся? – спросил Северский, скептически поджав губы. – В другой такой же лагерь? В новый плен?

– Вопрос в том, как быстро нас хватятся и какие силы бросят вдогонку, – сказал я.

– А в другом лагере могут оказаться наши, – поддержал меня Гаврила.

– Нет! Ваш план, господин Пилюля, никудышен! – отрезал офицер.

И тут мы все замолчали: снаружи раздался громкий и совсем неожиданный звук. Северский так и застыл: на лице выражение праведного гнева, указательный перст правой руки направлен вверх. Лишь блеск в глазах успел погаснуть – ярость сменилась холодной настороженностью. Раззявив рты, мы с испугом и одновременно с удивлением уставились на колышущиеся стены палатки. Звук повторился: это было что-то среднее между пением кита и воем сиренного гудка «Кречета».

Толпою выбрались наружу. Ночь была безлунной (я тогда и не догадывался, что луны в этом мире попросту нет), но света звезд оказалось достаточно, чтобы рассмотреть происходящее на площадке. Наши флегматичные конвойные покинули насиженные циновки. Теперь «червелицы» бродили по кругу, задрав дрожащие лицевые отростки к темному небу.

– Это они голоса? – спросил громким шепотом гальванер Лаптев.

Безликие головы охранников светились тусклым люминесцентным светом, будто кто-то натер их фосфором. В коробке, что стояла между их циновками, мерцала желеобразная масса зелено-желтого, ядовитого цвета. Я заметил, что с длинных пальцев «червелиц» капает такая же похожая на желчь дрянь.

Ближайший к нам великан огласил ночь «китовым зовом». Затем поднял с земли валун размером с голову взрослого человека и... метнул в сородича. Второй увернулся; недолго думая, подхватил увесистый гранитный обломок и швырнул в ответ. Мы оторопели: оба конвоира вели себя так, будто решили поиграть в крупнокалиберные снежки. «Червелицы» же принялись топтать и прыгать, вызывая тем самым сотрясение земли и осыпание песков.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.